

DOCUMENTS

Samuel H. Baron

PLEKHANOV IN WAR AND REVOLUTION, 1914-17*

Despite the fact that the views of Georgii Valentinovich Plekhanov (1856-1918) on the World War cannot be studied in his voluminous collected works – the editor abruptly terminated the edition with an article Plekhanov published on the eve of the war's outbreak¹ – his position is broadly familiar to students of Russian and international socialism. Thanks to his substantial published writings from September 1914 to March 1917 scattered through the press of at least five countries, a two-volume collection of his articles and speeches for the remainder of 1917, and several brief secondary accounts, it is possible to trace Plekhanov's wartime outlook.² By contrast, little is known of his political initiatives, associations and conflicts during the war years. A considerable share of his correspondence and other personal papers – the kind of material likely to illuminate these aspects – has been printed by the *Dom Plekhanova*, the Leningrad repository that holds almost all of them.³ But, as with the

* I am grateful to the University Research Council of the University of North Carolina, Chapel Hill, for support that made this work possible.

¹ G. V. Plekhanov, *Sochineniia*, ed. by D. Riazanov (24 vols; Moscow, 1923-27). The last article reproduced (XIX, pp. 529-37) had appeared in the newspaper *Edinstvo* (St Petersburg) on June 29, 1914 (OS).

² Some of his writings from July 1914 to March 1917 will be cited in subsequent notes. For his articles from April 1917 to January 1918, see G. V. Plekhanov, *God na rodine* (2 vols; Paris, 1921). To date, no one has fully utilized all these materials. Secondary accounts include V. Vaganian, *G. V. Plekhanov* (Moscow, 1924), pp. 664-77; S. H. Baron, *Plekhanov: The Father of Russian Marxism* (Stanford, 1963), ch. 16; M. Iovchuk and I. Kurbatova, *Plekhanov* (Moscow, 1977), pp. 307-15. A brief consideration from the Menshevik-Internationalist perspective is B. Dvinov, *Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia sotsial-demokratiia* [Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, Paper No 10] (New York, 1962), pp. 67-78 and *passim*. A recent, not especially successful, attempt at a revisionist interpretation is E. Belfer, "Plekhanov and the First World War", in: *Slavic and Soviet Series* (Tel Aviv), III (1978), pp. 48-57.

³ *Literaturnoe nasledie G. V. Plekhanova* (8 vols; Moscow, 1934-40); *Filosofsko-literaturnoe nasledie G. V. Plekhanova* (3 vols; Moscow, 1973-74). Before the establishment of the *Dom Plekhanova*, P. A. Berlin, V. S. Voitinskii and B. I. Nikolaevskii brought out the valuable two-volume *Perepiska G. V. Plekhanova i P. B. Aksel'roda* (Moscow, 1925).

collected works, what has been published does not extend beyond the coming of the war. The documents presented here are of considerable interest because they are virtually the first Plekhanov papers for the war years to appear in print.

In 1914-17, Plekhanov had two consuming, though somewhat contradictory, passions. On one hand, he turned away from the momentous drama enveloping Europe to apply himself with scholarly zeal to the composition of his multi-volume *History of Russian Social Thought*. The first volume had appeared in June 1914, and he completed two more before the end of 1916. On the other hand — and it is this side of his activity that these documents bring into focus — he strove through persistent and wide-ranging political and propagandistic activity to secure and sustain support for the Entente, whose cause he embraced at the very commencement of the war. He had already outlined his views in the Kadet newspaper *Rech'* in St Petersburg and in the British Social Democratic organ *Justice* in London, when on October 11, 1914, he made his first wartime speech, to a group of Russian socialists in Lausanne (No 1).⁴

There, he denounced Germany, the state he held responsible for the war, and the German Social Democrats, who, he charged, had betrayed their commitments to the International by supporting their government's imperialist policy. He approved the behavior of the French socialists, whose legitimate concern for the defense of their country against aggression justified the entry of several of their leaders into the war cabinet. Somewhat discordantly, he also endorsed the stance of the Russian Social Democratic fraction in the Duma, which had voted *against* war credits for France's Eastern ally. Plekhanov continued throughout the war to hold in high regard the socialist participants in the *Union Sacrée*, and through his close connections with Jules Guesde and some of his associates he endeavored to enhance the prestige and influence of the Russian "defensists". Toward Germany he became ever more implacable, hailing its defeats, deploring its victories, and "exposing" its rapacity week in and week out. Intensely mistrustful of the Teutonic foe, he readily characterized such events as the Easter rebellion in Ireland and the wartime movements for independence of Russia's subject nationalities as nothing more than German machinations. He scoffed at declarations of the majority German Social Democrats that they favored a just peace, discounted the importance of the opposition to that majority, and warned against even exploring peace initiatives from the German government or

⁴ The letter to *Rech'* — it is dated September 30 (17), 1914 — is reprinted in Golos (Paris), October 28, 1914. The letter printed in the *Justice* number of October 15 is reprinted in Golos, October 25.

anyone else, so long as German soldiers remained camped on the soil of others. Needless to say, he was hostile to the Zimmerwald movement from its beginning.

Having fought so long against the Tsarist government, Plekhanov was incapable of springing suddenly to the defense of Russia. However, convinced from the beginning that a Russian defeat by Germany would surely work to the disadvantage of the Russian proletariat, before long he argued that the working class had “the right and the obligation” to defend the country. By mid 1915, he reversed his earlier stance on war credits and, in an open letter, urged one of the Social Democratic members of the Duma, A. V. Bur’ianov, to vote for them: to vote negatively would be a “betrayal” of the people, he declared, and to abstain “cowardice”.⁵ Not surprisingly, Plekhanov favored working-class participation in the War Industries Committees that were established to spur the production of material essential for the war effort. But he went even farther, and in a public letter to the “conscious members of the working population of Russia” warned that labor disturbances in the rear of Russia’s fighting forces were tantamount to treason.⁶ True, he also spoke of national defense as the highroad to the attainment of liberty, but clearly the struggle for liberty was to be postponed until after the war had been won.

Plekhanov developed his views for a Russian social-democratic public which, already seriously divided before mid 1914, split deeply along new lines with the coming of the war. Lenin, who was present at Plekhanov’s Lausanne speech, attacked him immediately afterward, and followed up a few days later with a more extended critique and condemnation. To Plekhanov’s position he forcefully opposed his own: Russia’s defeat was to be hoped for — it was the lesser evil and would serve as the prelude to revolution. Thereafter he seldom let pass an opportunity to castigate his one-time mentor for, among other things, “monstrous Jesuitism, hypocrisy, and prostitution of socialism”!⁷ However, it was not so much Lenin, whose defeatist views enjoyed little support for some time, as the internationalist

⁵ His letter to Bur’ianov, dated July 22, 1915, was printed in *Rech’*, September 14, 1915; reprinted in *Nashe Slovo* (Paris), October 9, in *Sovremennyi Mir*, 1915, No 10, pp. 200-01, and in *Prizyv*, No 17 (January 22, 1916).

⁶ The letter, *K soznatel’nomu trudiashchemusia naseleniiu Rossii* (Paris, September 10 1915), written by Plekhanov, and signed by eleven others, stemmed from the meeting in September that led to the publication of the defensist Paris newspaper *Prizyv*. Cf. note 120.

⁷ Lenin’s speech of October 13 is reported in *Golos*, October 25 and 27. The quoted characterization, in which he coupled Plekhanov with Karl Kautsky, is from a brochure he wrote in the summer of 1915, “*Krakh II Internatsionala*”, in *Polnoe Sobranie Sochineniia* (55 vols; Moscow, 1960-65), XXVI, p. 215.

Mensheviks and their ex-Bolshevik allies who were to be Plekhanov's principal adversaries during the war, and *vice versa*. The internationalists, who numbered among their leaders Iu. O. Martov, L. D. Trotskii, D. Z. Manuil'skii, V. A. Antonov-Ovseenko, A. S. Martynov, F. I. Dan, A. V. Lunacharskii, M. N. Pokrovskii, A. M. Kollontai and A. I. Balabanova, regarded the war as an imperialist conflict for which all the great powers were responsible, and hoped to end it quickly by international socialist action for peace. Most of them were grouped in and around the newly created, Paris-based newspaper *Golos* (and its successor *Nashe Slovo*).⁸

Martov voiced the fear that Plekhanov's position "must produce the most demoralizing effect upon the Russian public"; and so, as Martynov wrote, "at the beginning of the war, all the attention and efforts of the internationalists were naturally directed toward one goal – the struggle with the social-patriotic epidemic."⁹ *Golos / Nashe Slovo* devoted an extraordinary amount of attention to reporting, refuting and denouncing Plekhanov's views. They lashed Plekhanov with charges that he had betrayed Marxism, abandoned socialism, and was the Russian counterpart to that German "social-chauvinist" *par excellence*, Albert Südekum. The campaign had just begun when he felt compelled to reply to "the imbecile *Golos*" (No 2) and its complement, as he subsequently called them, of "idiots", "reptiles", and "foulmouths". His response, the pamphlet "On the War",¹⁰ was published in Paris before the end of 1914. It was an amplification and justification of his outlook for one thing, but, characteristically, it had another aim as well. It was written in the form of a letter to an unidentified Bulgarian comrade (Dr Zakhari Petrov), through whom Plekhanov hoped to persuade the Bulgarian socialists to adopt and act in accordance with his viewpoint. Later, he sorrowfully noted that they opted instead for neutrality.¹¹ Similarly, through an interview with the paper *Il Lavoro*, he attempted to win the Italian socialists to a pro-Entente position, but again in vain.¹² Meanwhile, the appearance of his essay – it was also

⁸ A useful work on the two newspapers is Michael E. Shaw, "The Nashe Slovo Group and Russian Social Democracy During World War I" (unpublished doctoral dissertation, Indiana University, 1975).

⁹ Pis'ma P. B. Aksel'roda i Iu. O. Martova, ed. by F. Dan, B. Nikolaevskii and L. Tsederbaum-Dan (Berlin, 1924), p. 305; A. S. Martynov, "Ot abstraktsii k konkretnoi deistvitel'nosti", in: *Nashe Slovo*, September 15, 1915.

¹⁰ G. V. Plekhanov, *O voine. Otvet tovarishchu Z.P.* (Paris, 1914). A second edition (Petrograd, 1915) also contained Plekhanov's contribution "Eshche o voine" published in the collection *Voina. Sbornik statei* (Paris, 1915).

¹¹ *Id.*, *La Social-Démocratie et la Guerre* (Paris, 1916), p. 1. This brochure is the French translation of his letter to Petrov, with a new preface dated November 1916.

¹² The interview was printed in *Il Lavoro* (Genoa), January 24, 1915, and reprinted in *Nashe Slovo*, February 2-3. Plekhanov later urged the American socialists to favor war

published in Petrograd early in 1915 – provided the occasion for a new round of fierce attacks on him in *Nashe Slovo* and elsewhere.

Something of the kind marked each new initiative or pronouncement on his part relative to the Entente cause, the Russian war effort or the obligations of Russia's proletariat. Contrariwise, his stand found favor with figures like the Kadet leader P. N. Miliukov, and even with rightists. High government officials, including Tsar Nicholas, were so positively impressed by the content and tone of Plekhanov's above-mentioned open letter to Bur'ianov, according to O. Tsekhnovitser, that they secretly subsidized the printing of one million brochures in which it was included, for distribution to industrial workers.¹³ Plekhanov went far beyond the bounds of defensism as it was articulated by others, in the judgment of B. Dvinov, to constitute, along with defeatism, internationalism and defensism, a fourth – a “patriotic” – socialist perspective on the war.¹⁴ The observation of L. Lande that Plekhanov and his followers in 1917 considered “winning the war not just the main but the *sole* task of the moment” certainly holds for the preceding years too.¹⁵

Standing well to the right of a large majority of his former collaborators, he could have none but hostile relations with them; even such disciples as Charles Rappoport, Angelica Balabanova and Alexandra Kollontai deserted him. Early in 1915 his relations with *Edinstvo*, a non-factional organization of Social Democrats devoted to party unification, were ruptured, despite his earnest pleas for a continuing association, notwithstanding sharp differences on the war (No 3). Later that year, Maxim Gor'kii's new journal *Letopis'* printed a derisive letter likening the father of Russian Marxism in some respects to Dostoevsky's Smerdiakov, and skewering him for calling “upon the workers to support the government in the Duma, to bear patiently the abuse and exploitation of the factory owners, to forget about themselves and think only of victory over the Germans”.¹⁶

After the revolution, L. G. Deich ruefully acknowledged (with some

credits as a way to oppose German imperialism. See *Svobodnoe Slovo* (New York), 1916, p. 523.

¹³ O. Tsekhnovitser, *Literatura i mirovaia voina 1914-1918* (Moscow, 1938), pp. 214-17. The brochure (A. Panov, *Rabochii narod i voina* (Petrograd, n.d.)) began with Plekhanov's letter, and then went on to elaborate the following sentence included in it: “If Germany should succeed in fastening a yoke on Russia's neck, the Russian proletariat would suffer most of all.”

¹⁴ Dvinov, *Pervaia mirovaia voina*, op. cit., p. 7.

¹⁵ L. Lande, “The Mensheviks in 1917”, in: *The Mensheviks. From the Revolution to the Second World War*, ed. by L. Haimson (Chicago, 1974), pp. 7-8.

¹⁶ “Nuzhno li ubezhdeniia?”, in: *Letopis'*, December 1915, pp. 323-28.

hyperbole) that his old comrade Plekhanov had been practically alone in the emigration on the war question.¹⁷ Nevertheless, he was determined to be politically effective, and so sought to draw like-minded individuals into collaboration. In the spring of 1915, he yoked a number of *Edinstvo* members who remained loyal to him (Deich, L. I. Aksel'rod, P. Dnevnikskii, M. Ol'gin, A. Liubimov and K. Kakheli) together with the former Bolshevik and active defensist G. A. Aleksinskii in the publication of a collection of articles, entitled "The War".¹⁸ The effort was surely deemed worthwhile, for other actions of the kind followed. In a meeting in Geneva in early September, Plekhanov, Aleksinskii and a number of other Social Democrats and a group of Socialist Revolutionary defensists decided to unite their forces and begin publishing a weekly newspaper *Prizyv* in Paris. In addition to Plekhanov and Aleksinskii, the editorial board included such Socialist Revolutionary leaders as N. D. Avksent'ev, A. A. Argunov and I. I. Bunakov (Fundaminskii). The paper began publication on October 1, 1915, and had produced sixty numbers when it closed down in March 1917. The greater part of Plekhanov's political writings from the outbreak of the war to the March upheaval, some eighteen items, appeared in *Prizyv*. At the same time, anxious to gain the widest currency for his views, he also contributed frequently to *Sovremennyi Mir*, edited by N. I. Iordanskii in Petrograd, and to *Svobodnoe Slovo*, which Deich began bringing out in New York in the last months of 1915. In addition, he eagerly canvassed the possibility of participation in other publishing enterprises.

The collaborators in *Prizyv* acknowledged at the outset that they differed on many matters, but agreed to submerge their differences in order to help frustrate Germany's aggressive designs. In fact, disagreements between Plekhanov and some of the others did surface on such varied matters as relations to certain policies of the French socialists, the attitude toward the Progressive Bloc in the Duma, and to the peace initiatives launched in late 1916 (Nos 9, 10, 16). Most dramatic was the public revelation early in 1916 of sharp differences on the question of voting new war credits, with Avksent'ev opting for abstention, a course of action that Plekhanov had earlier indicted in his open letter to Bur'ianov. Late in 1916 a serious dispute arose over Aleksinskii's continued collaboration, with Plekhanov in support and the other editors opposed.

As an editor of *Prizyv*, Plekhanov's role was limited by the fact that he then resided in Switzerland or Italy while the paper was edited and

¹⁷ Replika Deicha, Plekhanov Archive, Box 2, Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam.

¹⁸ Voina, op. cit. Cf. A. E. Senn, *The Russian Revolution in Switzerland 1914-1917* (Madison, Wis., 1971), pp. 103-05.

published in Paris. Nevertheless, as these documents show, he took a fairly active part in the paper's affairs. Especially remarkable is the unusual flexibility and tact he displayed in relations with his colleagues. He repressed the haughty and domineering qualities for which he was well known, refrained from issuing ultimata, and willingly submitted to group discipline when he was outvoted. He so behaved for the sake of effectively advancing *Prizyv's* primary objective. Moreover, he wished to avoid new splits like the plague, and not just for the obvious reasons; he harboured the illusion that *Prizyv* was destined to play an important part in the conclusion of the peace and after, and would serve as a rallying point for the unification of all Russian socialist forces (No 16). He had strenuously fought for the unification of the Social Democratic Party in the pre-war years, and he remained doggedly committed to that goal, but now he went a step farther. Plekhanov's involvement in *Prizyv* led him to think in terms of a broader grouping: he expressed interest in a coalition of Social Democrats and Trudoviks in the Duma (No 6). And, after the overthrow of Tsarism, the first article he wrote for the new *Edinstvo* called for the union of Social Democrats and Socialist Revolutionaries who held similar views.¹⁹ Clearly, purity of doctrine was no longer as important to him as it had earlier been.

Prominent among the matters illuminated by these documents is Plekhanov's relationship with Aleksinskii (1879-1967). A man twenty-three years Plekhanov's junior, Aleksinskii affiliated with the Bolsheviks in 1905. He represented that group in the Second Duma, but broke with Lenin in 1907. In the following year, along with Gor'kii, Lunacharskii, Pokrovskii and Manuilskii, he formed the *Vpered* group. With the outbreak of the war, Aleksinskii immediately and passionately made the Russian cause his own. He lectured widely in France and Switzerland, wrote many articles and a book, *La Russie et la Guerre*, and began in August 1915 to publish a newspaper *Rossia i Svoboda*. He was, in short, "the most active defensist in the emigration".²⁰ Aleksinskii's publicistic activity was notorious for its persistent efforts to blacken the reputation of those whose views on the war were at odds with his own. It was he who first accused Alexander Helphand-Parvus (correctly as it turned out) of being an agent of the German Imperial government. He insinuated that the internationalist — he preferred the term Germanophile — *Golos / Nashe Slovo* was subsidized by

¹⁹ "K ob"edineniiu sotsialisticheskikh partii", in: *Edinstvo*, March 29, 1917.

²⁰ Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, op. cit., p. 19 and ch. 8. See also Senn's "The Politics of *Golos* and *Nashe Slovo*", in: *International Review of Social History*, XVII (1972), pp. 675-704.

German funds, and attempted to implicate Christian Rakovski and Trotskii. He also tried to link the Bolsheviks with Austro-Turkish-German efforts to subvert the Russian Empire.²¹

Plekhanov first encountered Aleksinskii in 1907 at the London Congress of the RSDRP, where, quite gratuitously, he disparaged the younger man's abilities as a Duma representative and a theoretician.²² Their paths may have crossed once or twice thereafter, but it was the war that almost inevitably brought together the most prominent and most active defensists in the emigration. In *La Russie et la Guerre*, Aleksinskii cited with approval Plekhanov's pronouncements on the war, while lambasting both the defeatists and the internationalists.²³ He further ingratiated himself by observing in his article in the collaborative volume "The War" that the social-democratic organizations which the *Nashe Slovo* group (falsely) depicted as the majority were united only in opposition to Plekhanov's views,²⁴ and he subsequently defended Plekhanov against an attack by Gor'kii.²⁵ In the correspondence between them that began in mid 1915, Plekhanov became increasingly cordial, reciprocating the compliments addressed to him with repeated praise of Aleksinskii's literary and publicistic talents. (His estimate of Aleksinskii's theoretical powers may not have changed appreciably, but now they were on the same side, and Plekhanov especially valued Aleksinskii's uncommon energy in their common cause.) When Aleksinskii's *Rossii i Svoboda* appeared, Plekhanov was listed as a collaborator, and the third number reprinted his letter to the conscious members of the working population of Russia. When in September 1915 they met alone for the first time, according to Aleksinskii, Plekhanov told him how important his efforts were, promised his "moral support" and embraced him.

Aleksinskii's notes on this interview with Plekhanov are especially intriguing (No 5). In a moment of prescience, Plekhanov confided his opinion that Lenin "had seized upon the war, as the only means by which to achieve his goals. Had the war not erupted, [. . .] he would probably have been condemned and expelled from the Socialist International" because of his "disruptive role in the Russian labor movement" and presumably been politically ruined. In earlier correspondence between the two, Plekhanov

²¹ Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, pp. 66, 106-07; G. A. Alexinsky, *La Russie et la Guerre* (Paris, 1915), pp. 240-51; id., "O provokatsii", in: *Sovremennyi Mir*, 1915, No 3, pp. 50-64; id., "Zaiavlenie", in: *Nashe Slovo*, April 25.

²² Piatyi (Londonskii) s'ezd RSDRP, April'-Mai 1907 goda. *Protokoly* (Moscow, 1963), pp. 44, 267.

²³ Alexinsky, *La Russie et la Guerre*, pp. 218-20, 304-05.

²⁴ Id., "S kem bol'shinstvo", in: *Voina*, pp. 97-98.

²⁵ Id. to Gor'kii (first half of 1916), Bakhmeteff Archive, Columbia University.

had encouraged Aleksinskii in his work of exposing Parvus, and also any figures in the Russian movement who, wittingly or not, rendered service to the German cause (No 4). He was quite prepared to entertain the idea that Lenin and his followers received subsidies from the Germans, who, after all, had more reason to regard Bolshevik defeatism as an asset than Lenin to envisage a German victory as a powerful impetus to the fulfillment of his aims. Plekhanov's support of Aleksinskii, a sometime practitioner of innuendo and outright slander, may appear the opposite of moral. He did urge Aleksinskii to use his sources critically, but on the other hand he himself had exhibited a penchant for defamation in the past.²⁶

Their association could prove troublesome. Plekhanov was content to remain in the shadows while Aleksinskii carried forward his "exposés", but this tactic was not easy to carry off. Aleksinskii's insinuations with regard to Trotskii provoked the latter to ask publicly whether Plekhanov associated himself with these "slanders",²⁷ but brought no response. When two groups of journalists of the bourgeois press in Paris condemned Aleksinskii for making unfounded accusations of pro-German sympathies against one of their Russian colleagues, *Nashe Slovo* taunted Plekhanov and his *Prizyv* colleagues to say where they stood on the matter, but received in reply only an embarrassed silence.²⁸ Difficulties with Aleksinskii came to a head toward the end of 1916, in connection with plans to establish a new Petrograd daily, to be called *Russkaia Volia*. Agents for the new venture, which was to be supportive of the war, invited Plekhanov and Aleksinskii to collaborate and they were inclined to do so. But suspicions soon arose (they were well-based) that the paper was the brainchild of A. D. Protopopov, the Octobrist leader who became Minister of the Interior in September 1916, and had the financial backing of leading banks and industrial concerns. Plekhanov felt compelled to withdraw, though he was remarkably reluctant to cast stones. He advised Aleksinskii to retire as well, but to no avail. Aleksinskii's refusal precipitated a crisis in *Prizyv* — Plekhanov tried in vain to forestall it — that ended with the ouster of Aleksinskii from the editorial board (Nos 14, 16). Relations between Plekhanov and Aleksinskii were not severed, however, and after the March revolution the latter left *Russkaia Volia* and began to collaborate with Plekhanov's Petrograd paper, the new *Edinstvo*.²⁹

²⁶ It was Plekhanov's tragedy, Dan, Martov and Martynov had written in 1912, and not without some reason, that he combined "a mind worthy of Chernyshevskii and the soul of a Don Basilio" — the crafty, conniving specialist in calumny of *The Barber of Seville*. *Otkrytoe pis'mo Aksel'rodu i Zaslulich* (Paris, 1912), p. 7.

²⁷ L. Trotskii, "Otkrytoe Pis'mo T. Plekhanovu", in: *Nashe Slovo*, July 18, 1915.

²⁸ *Nashe Slovo*, September 9-12, 1916.

²⁹ An announcement to this effect appeared in *Edinstvo*, April 13, 1917.

The overthrow of the Tsarist government upset Plekhanov's basic calculations, although in a way he foresaw the event. While he counseled the workers for the sake of the national defense to show forbearance and defer settling scores with the government and the propertied classes, he recognized that these latter forces showed little restraint in their dealings with labor. As in the course of the war years the material conditions of the workers deteriorated, they were less and less inclined to mute their grievances. This state of affairs was even reflected in the War Industries Committees, whose labor representatives were most willing to co-operate in the war effort. By late January 1917 (OS), under pressure from the rank and file, the members of the Central War Industries Committee passed a resolution calling for the convocation of a constituent assembly.³⁰ They were promptly arrested. Plekhanov was unaware of what had provoked the arrests, but he noted the fact with chagrin, and was apprehensive that actions of the kind might bring on a "catastrophe" (No 17). Though it would be unwarranted to see a direct connection, in fact the fall of the government came only some three weeks later.

Plekhanov and his wife arrived in Petrograd a month after the fall of the Imperial regime. The enthusiastic reception he was given is mirrored in a letter R. M. Plekhanova sent to their daughters two months later, describing with pride his speeches to large crowds, the wide interest in consulting him, and the "success" of his newspaper *Edinstvo* (No 18). He is, she asserts, "the spiritual leader of a large part of our people", and "the attention of all Russia is turned toward him". But a darker note is detectible in the same letter. Significantly, the couple was residing not in the capital, the nerve center of the revolution, but some distance away in Tsarskoe Selo. His wife reported that Plekhanov had refused a ministerial post, but neglected to relate the surrounding circumstances. Several Ministers in the first Provisional Government cabinet hoped to find useful allies among the socialists returning from exile, one of their number, Miliukov, reported, and "were holding the Ministry of Labor for Plekhanov". When he arrived they changed their minds, he continued, for "we immediately saw that here was the past not the present".³¹ He was invited to become a member of the Executive Committee of the Petrograd Soviet, but when as a condition of acceptance he demanded a second seat for the

³⁰ Dvinov, *Pervaia mirovaia voina*, p. 145, and the more recent, informative, article by L. H. Siegelbaum, "The Workers' Groups and the War-Industries Committees: Who Used Whom?", in: *Russian Review*, XXXIX (1980), pp. 150-80.

³¹ P. N. Miliukov, *Political Memoirs 1905-1917*, ed. by A. P. Mendel (Ann Arbor, Mich., 1967), p. 444.

Edinstvo group, the Committee vetoed his demand by a narrow margin.³² Plekhanov's entry into the cabinet as Minister of Labor was canvassed again after the May crisis that resulted in the ouster of Miliukov. He would accept only if the members of the Soviet Executive Committee named him, but they refused to do so, no doubt having in mind his position in the preceding years on the labor question.³³

He could not have been deceived, as his wife may have been, by the attention showered on him in the first weeks following their return, could not but have recognized how unfavorable the climate was for his views, which remained virtually the same as before the March revolution. New shocks were not long in coming. *Edinstvo* took a strong interest in electoral campaigns, but its candidates in the Moscow municipal elections in June netted a mere two-tenths of one percent of the votes.³⁴ In the eyes of the Mensheviks, he and the *Edinstvo* group stood entirely outside the party, and when in July 1917 invitations were sent to all social-democratic groups to participate in a unification congress, none went to the zealous proponent of unification and his group.³⁵ Striving with might and main to make his views prevail, Plekhanov produced a prodigious amount of writing for *Edinstvo*, and spoke to public meetings whenever he could; but his impact was modest at best, and he was overwhelmed by events.

In a last letter, a moving human document, we see Plekhanov defeated, his voice silenced, sick and dying, and subjected to the ultimate indignity (No 19). A few days after the Bolshevik seizure of power, revolutionary sailors and soldiers broke into his apartment in search of arms, took him for a member of the hated bourgeoisie, and verbally abused and threatened him. Not intimidated, Plekhanov asserted that he had fought for the people and the revolution for forty years, but made no impression on the young militants to whom the name Plekhanov meant nothing.³⁶ His thoughts, as conveyed by his wife, clearly show that he considered Leninism "a frightful illness", which would entail much suffering for Russia and its people. Made apprehensive by the atmosphere in and around the capital — a little later two ex-Ministers of the Provisional Government were slain in a

³² Petrogradskii sovet rabochiikh i soldatskikh deputatov. Protokoly zasedanii ispolnitel'nogo komiteta i biuro I.K. (Moscow, Leningrad, 1925), p. 106.

³³ V. Chernov, *The Great Russian Revolution* (New Haven, 1936), p. 206.

³⁴ W. G. Rosenberg, *Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party 1917-1921* (Princeton, 1974), p. 164.

³⁵ Lande, "The Mensheviks in 1917", loc. cit., pp. 7-8. For Plekhanov's reaction, see his article in *Edinstvo*, July 13, 1917, reprinted in *God na rodine*, II, pp. 34-36.

³⁶ Something of the substance of these events was conveyed in Iu. Arzaev's introduction to *God na rodine*, I, pp. xlii-xliv, but the document on which his account was based here appears in print for the first time.

Petrograd hospital by a mob — early in January Rosaliia Markovna moved her husband to a sanatorium in Finland, where he died on May 30, 1918.³⁷

Without the bloodletting, devastation and disruption inflicted on Russia by the World War, it is safe to say, there would have been no Bolshevik Revolution. Recent research has demonstrated that, as Plekhanov charged, the German government instigated the war as a means to fulfill its expansionist ambitions.³⁸ Be that as it may, any Russian political figure who linked his destiny to the support of what was an excruciatingly costly and, as time went on, an immensely unpopular war was bound to be repudiated. These circumstances go a long way to explaining how it came about that the father of Russian Marxism found himself on the morrow of the Bolshevik revolution alone, harrassed, and politically impotent.

The documents presented here were found in three locations: No 1 in the Okhrana Archive (XVIIb, Folder 2), Hoover Institution, Palo Alto, California; No 2 in the Rappoport Archive, International Institute of Social History; Nos 3-14 and 16 in the Aleksinskii Collection of the Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York City; and Nos 15 and 17-19 in the Plekhanov Archive of the International Institute of Social History.³⁹ Nos 1, 2, 4, 5, 15, 18 and 19 are reproduced from the originals, Nos 3 and 17 from handwritten copies, and Nos 6-14 and 16 from typewritten copies. The spelling has been modernized. Spelling and grammatical errors have not been corrected. Dates are given according to the Western calendar, except when otherwise indicated (OS).

1. OKHRANA AGENT REPORT

Совершенно секретно

Бордо, 3/16 Ноября 1914 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Господину Директору Департамента Полиции

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что по сведениям, полученным от агентуры, в Лозанне 11 Августа с.г., Плеханов вы-

³⁷ R. M. Plekhanova, *God na rodine*, pp. 7-10, Plekhanov Archive, Box 12.

³⁸ L. Albertini, *The Origins of the War of 1914* (3 vols; Oxford, 1952-57); F. Fischer, *Germany's Aims in the First World War* (New York, 1967).

³⁹ I wish to express my appreciation to the administrations of these institutions for permission to publish the materials that follow. I am also indebted to Anne Booth, Karin Griffiths and Lydia Treml for assistance in transcribing some of the documents.

ступал в закрытом собрании социал-демократов с докладом, озаглавленным „Война и социал-демократия”.⁴⁰

Доклад свой Плеханов разделил на две части: в первой части он рассмотрел положение двух крупнейших социалистических партий, Германской и Французской, – вторую же он посвятил Российской социал-демократической партии и общему взгляду на войну и ее последствия.

Говоря о взаимоотношениях Европейской социал-демократии, Плеханов пришел к грустному для него выводу, что основ социалистической борьбы и заботы о единстве целей, интересов и пожеланий, ныне в международном социализме нет.

Германская социал-демократия, вотировав бюджет для наступательной войны, а в течение таковой, поддерживая Правительство, тем самым вышла из рядов международного социализма.

Конечно есть надежда, что в мирное время откроются многие новые факты и потому пока еще нет оснований считать Германскую социал-демократию невинною, но ее оппортунистическая подкладка сказалась ясно.

Кроме того, Плеханов обвинял германскую социал-демократию в предательстве:

2 Августа в Париж прибыл уполномоченный германской социал-демократии тов. Миллер и заявил французским социалистам, что немецкие товарищи вотировать военного бюджета не будут – часть воздержится, а другая, наибольшая часть и вовсе откажется.⁴¹

Однако, как известно, ничего подобного не произошло и поэтому Плеханов говоря о поведении французских социалистов был склонен во всем признать их совершенно правыми с социалистической точки зрения.

Плеханов заявил, что получил от французских социалистов, под

⁴⁰ The actual date was October 11. This document may be compared with a more circumstantial first-hand report by I.K[iselev?] on Plekhanov's speech in *Golos*, October 18 and 20, 1914, and with Lenin's detailed notes on the presentation (*Leninskii Sbornik*, XIV, pp. 124-31). The accounts differ in some significant respects. The Okhrana report is misleading in some particulars, and must be used with caution.

⁴¹ Hugo Haase (1863-1919) gave some such assurances at a mass peace rally sponsored by the International Socialist Bureau in Brussels on June 29, but his remarks at the closed meetings of the ISB were ambiguous. So, too, was the statement of Hermann Müller (1877-1931), when he came to Paris a few days later to confer with the French socialists. There were divisions among the German Social Democrats, he indicated, but it was his personal opinion that the party would not vote for war credits. M. Fainsod, *International Socialism and the War* (Cambridge, Mass., 1935), pp. 23, 26-27; G. Haupt, *Socialism and the Great War. The Collapse of the Second International* (Oxford, 1972), pp. 199, 208-13, and the appended notes of the ISB meeting. The complexities of Müller's position at Paris are examined closely in S. Miller, *Burgfrieden und Klassenkampf. Die deutsche Sozialdemokratie im ersten Weltkrieg* (Düsseldorf, 1974), pp. 51-53.

секретом, сообщение, будто вступая в состав Министерства они поставили Правительству условие, что как только неприятельские войска будут вытеснены из пределов Франции, Правительство должно тотчас же прекратить войну, не обращая внимания на позорящий Францию договор с русским царизмом.

Если же правительство не прекратит войны, то социалистическая партия будет считать себя вправе агитировать против и препятствовать всеми мерами ее продолжению,⁴² кроме того вступая в министерство французские социалисты имели целью также и наблюдение за правительством, дабы оно не поддалось монархическому влиянию, которое теперь достаточно пользуется популярностью во Франции.

Все эти соображения с необходимостью обороны оправдывают французских социалистов.

Оправдав французских товарищей, защищающих идеалы республики и права, Плеханов после перерыва перешел к русским.

Последние по его мнению не нуждаются в оправдании. Они поступили как истинные социалисты не голосуя за бюджет, потому что политика царского правительства ослабила оборону страны. При республиканском правительстве страна проявила бы не только склонность к упорному сопротивлению, но своими победами помогла бы республиканской Франции, чего теперь, конечно, нельзя ожидать по мнению Плеханова.

Впрочем „соблюсти себя” русским товарищам было легче потому, что, как выразился французский социалист Самба⁴³ по поводу поведения русской социал-демократии: „пятилетней девочке легче соблюсти свою невинность, нежели взрослой женщине”.

Оратор выражал надежду, что война поведет к торжеству социализма в России потому, что русские социалисты показали, что они неспособны ни к сделкам с царским правительством, ни к оппортунистской тактике.

Плеханову возражал Ленин.⁴⁴

Прежде всего он заявил, что оправдание какой бы то ни было социалистической партии интересами защиты отстаивания своей независимости нелегко, ибо у пролетария отечества нет.

⁴² The conditions the French socialists reportedly set for their entry into the cabinet are not mentioned in the Golos report of Plekhanov's speech. He may have been so informed by his intimate friend Jules Guesde (1845-1922), who joined the cabinet as Minister without Portfolio.

⁴³ Marcel Sembat (1862-1922), another of the three French socialists who joined the war cabinet in late August 1914. He became Minister of Public Works.

⁴⁴ Lenin's immediate reply to Plekhanov's speech is the subject of a report in Golos, October 21. A more considerable statement on the war which he gave a few days later at Lausanne is summarized *ibid.*, October 25 and 27.

Что же касается этой войны, в частности, то она является результатом политики Извольского, который потирая руки заявил: „с'est ma guerre!“ („это моя война“)!

Царское правительство и французская буржуазия давно готовили эту войну для упрочения своей власти и только дуракам может казаться, будто эта война необходима народам для их свободного развития.

Пролетариат должен помнить и его вожди должны ему напоминать, что единственным ответом на позорную политику правительств царского и буржуазного должна быть организация коммуны и социальной революции в России и Франции. „Да здравствует российская социальная революция“ – закончил оратор.

Статский Советник

2. PLEKHANOV TO CHARLES RAPPOPORT

San Remo, ce 9 nov. 1914.

Mon cher Rappoport,⁴⁵

Je vous envoie un manuscrit, réponse aux imbeciles qui m'attaquent à cause de mon attachement pour la cause de la France et de ses alliés. Il s'agit de publier le plus vite cet article à Paris même où paraît l'imbécile «Golos», qui mène une campagne contre moi.⁴⁶ C'est le camarade Marc, Libimoff, qui se charge de publier l'article.⁴⁷ Vous connaissez l'adresse de Lubimoff: 7, rue Campagne première, Paris. Je vous supplie de porter l'article à Lubimoff et de ne le confier à personne. Vous me rendrez un grand service. Je suis attaqué et je ne puis me défendre. Quand vous aurez remis l'article à Lubimoff, écrivez-moi un mot là-dessus. J'attendrai de vos nouvelles.

Ici, à San Remo, pas un chat! L'année sera désastreuse. Ma pauvre

⁴⁵ Charles Rappoport (1865-1941), a Russian socialist who emigrated to France and became a prominent member of the French Socialist Party. Plekhanov rightly assumed that Rappoport, his close collaborator and an editor of the pro-government *La Guerre Sociale*, shared his views. Before the year was out, however, Rappoport denounced Plekhanov for his defensist stance. See his "Istinno-russkii sotsializm B. Savinkova", in: *Golos*, December 15.

⁴⁶ Plekhanov is here reacting to a series of scathing attacks upon him in *Golos*, Nos 33-38, 41 and 43 by Lenin, I. Bezrabortnyi (Manuil'skii), Martov and Voinov (Lunacharskii).

⁴⁷ A. I. Liubimov, also known as Mark Z-r (1879-1919), was a founder of the Paris group of "Bolshevik conciliators" (1911-14). A defensist, he became one of the editors of *Prizyv* in 1915. The manuscript to which Plekhanov refers is the tract *O voine*, op. cit. Its publication provoked a new series of attacks in December numbers of *Golos* by Trotskii, A. Lozovskii and A. Balabanova.

femme qui ne demande pas mieux que de travailler et qui n'a personne!⁴⁸
Mais passons.

Eh bien, les allemands ont, tout de même, reçu plus d'une raclée en Pologne russe. Esperons qu'ils en recevront encore.

A propos, demandez, par téléphone, Longuet ou n'importe quel autre rédacteur à l'Humanité, pourquoi est-ce que je ne reçois point cet organe. Je suis pourtant un abonné.

Et mes livres que j'ai laissé dans une valise à la rue Marbeau 11 bis.⁴⁹ Il n'y aura donc pas moyens de les faire venir ici? J'en serais navré puisque j'ai bien besoin d'eux pour continuer mon travail.

Mes salutations à Madame Rappaport et à vos enfants.

Bien à vous

G. Plékhanoff

Ma femme vous salue tous.

G.P.

3. PLEKHANOV AND OTHERS TO THE EDINSTVO GROUP⁵⁰

Дор. Тов.! Пересылая Вам настоящее письмо, надеюсь, что В. не нужны какие-либо объяснения к происхождению его.

С тов. Прив.

И. Киселев* ⁵¹

Копия

Ответ петербургской группе „Единства“

S. Remo, 3 февр. 1915

Дор. Товарищи! Выслушав сообщение посланных Вами товарищей,⁵²

* Известите о получении этого письма и об отношении тт. к содержанию его.

⁴⁸ Plekhanov's wife Rosaliia Markovna, a physician, ran a sanatorium at San Remo on the Italian Riviera each winter.

⁴⁹ The older of his two daughters, Evgeniia, was married to Georges Batault. The couple resided at Rue Marbeau in Paris.

⁵⁰ Edinstvo, a weekly newspaper put out by the St Petersburg Interdistrict Committee of United Social Democrats, began publication in May 1914. It had close links with non-factional groups abroad that were devoted to party unity, of which Plekhanov's was the most important. He contributed to all four numbers of Edinstvo that appeared. See his Sochineniia, XIX, pp. 493-537.

⁵¹ I. A. Kiselev, a Russian resident of Zurich, was a follower of Plekhanov and a participant in various defensist activities. Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, pp. 26, 108, 110-11.

⁵² Two representatives of the Edinstvo group, A. L. Popov (Vorob'ev) and N. Stoinov, had been sent abroad to consult with Russian Social Democrats in various West

мы спешим выразить Вам свой взгляд на положение дел.

Мы считаем, что содействовать объединению сил русского пролетариата безусловно необходимо. В этом смысле мы согласны с В. представителями. Но в основу объединительной деятельности они хотят положить известный взгляд на войну, и это нам кажется очень большой ошибкой.

И не только нам. Один из наших парижских т-шей видевший В. представителей раньше, чем мы, пишет нам, что самый опасный пункт в В. планах есть то, что Вы хотите объединять партию под флагом определенных лозунгов.⁵³ „Это, – продолжает названный товарищ, – по-моему, отзывает настоящей фракционностью. Одно дело – подчинение тем или другим решениям партии, но другое дело – восстановление единства под заранее намеченной тактической линией”. – „Я не могу работать по восстановлению единства, защищая неприемлемую для меня политическую линию”, пишет дальше тот же товарищ: „В литературных предприятиях партийцев в России за коллегией, организуемой эти предприятия, нужно признать право проводить свои взгляды на войну; для партийцев, несогласных с этими взглядами, должна быть обеспечена свобода дискуссии”.

– С этим мы вполне солидарны. Иначе, действительно, создается фракционность, и вносится она в среду тех лиц, которые до сих пор стояли за единство. Мы очень советуем Вам отказаться от создания единства на почве, указанной предвзятой идеи. Если же Вы не сделаете этого, то мы вынуждены будем так или иначе протестовать. Доведя нас до необходимости протеста, Вы совершите еще большую ошибку, создав раскол под предлогом единства. – Считаем нужным сказать несколько слов о той идее, которую Ваши представители хотели бы положить в основу объединительной организации. Идея эта в полном смысле слова утопическая. Люди желают противопоставить реальным отношениям свое хотение („хотим мира” и пр.), даже не спрашивая себя о том, в какой мере это хотение соответствует действительному ходу отношений.

Отношения эти таковы. Германия и Австро-Венгрия, уже несколько лет искавшие подходящего повода для войны (заявления Джиолитти в итальянском парламенте не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения), наконец, объявили войну и захватили Бельгию, около 10 франц. департаментов и часть Польши. Оставляя в стороне Польшу

European towns about their views on the war and prospects for party unification. An informative account is given in A. L. Popov, “Stranichka vospominaniia o rabote v mezhraionke”, in: “Proletarskaia Revoliutsiia, 1923, No 10, pp. 95-111. See also Pis'ma Aksel'roda i Martova, op. cit., pp. 318-19.

⁵³ From Popov's account, loc. cit., p. 102, it is apparent that the reference is to Liubimov.

и Францию, входящие в территории воюющих сторон, мы заявляем, что не позволительно социалдемократам хотеть такого мира, который оставил бы Бельгию под игом Германии. Но Германия не выпустит добровольно Бельгии из своих когтей. Что же нужно, для того чтобы освободить Бельгию? Очевидно, для этого недостаточно „хотеть мира”. Для этого нужны такие военные успехи союзников, которые заставили бы германские войска выйти из Бельгии и войти в немецкие пределы. Но об этом нет ни слова в тех пожеланиях, которые выражали нам Ваши представители. Они желают, чтобы никто не сделал никаких завоеваний. Но, повторяем, пожелания сами по себе ни к чему не ведут. Нужны действия. А что касается действий, то В. представители намечают нечто в высшей степени несостоятельное. Они говорят, что будут требовать от русского правительства заключения мира. На это русское правительство ответит, что, так как Германия начала войну, то от нее зависит и заключение мира. И оно будет право. До сих пор в столкновениях русских революционеров с русским правительством логика была на стороне революционеров. Наши товарищи хотят сделать так, чтобы было наоборот. Мы не видим, зачем надо делать это.

В рождественском номере „Berliner Tagblatt” была указана цель, с которой Германия начала войну. Она заключается в том, чтобы создать таможенный союз в центральной Европе и навязать остальной Европе выгодные для Германии торговые договоры. Навязать другим странам такие договоры значило бы сделать их предметом экономической эксплуатации со стороны Германии. Говоря собственно о России, мы обязаны иметь в виду, что ее эксплуатация Германией остановит ее экономическое развитие, а следовательно развитие освободительного движения пролетариата. Поэтому сознательный пролетариат не имеет права довольствоваться бессодержательными фразами в роде того, что „хотим мира как можно скорее”.

Будучи сознательным, он должен стремиться к такому миру, который обеспечил бы его экономические и всякие другие интересы. В деле такого обеспечения он, стоя на международной точке зрения, *не имеет права* стремиться к эксплуатации других народов, но он *обязан* сопротивляться попыткам всякого другого народа наложить на него экономическое иго. — Когда мы выражаем эту мысль, нам говорят будто мы отказываемся от классовой борьбы там, где *русский* пролетариат восстает против эксплуататорских попыток, исходящих от *немецкой* буржуазии? Она есть, хотя в ней участвуют классы, принадлежащие к различным национальностям. Но это объясняется сущностью империалистической политики. — Говорят, что Россия тоже не прочь от империализма. Но Россия вследствие своей экономической отсталости совершенно не в состоянии наложить экономическое иго

на Германию или на другую капиталистическую страну. Это ясно само собою. Наконец, оставляя в стороне область возможного и переходя в область действительного, мы должны помнить, что война начата именно немецкой буржуазией в союзе с немецким юнкерством и, – как этого можно было ожидать еще со времени статей Бернштейна о колониальной политике,⁵⁴ – с немецкими социалистическими оппортунистами. Таков факт. В виду этого факта не подлежит ни малейшему сомнению *право и обязанность русского пролетариата защищать свою страну.*

Говорят еще, что, защищая ее, он тем самым будет поддерживать русский царизм. Но в действительности выйдет наоборот. В процессе самозащиты России неизбежно обнаружится несостоятельность русского царизма. Задача агитации в том и заключается, чтобы содействовать обнаружению этой несостоятельности. Это отчасти понимают наши анархо-синдикалисты (ленинцы), которые хотят, чтобы война превратилась в „гражданскую войну”. Они даже указывают на пример парижской Коммуны. По своему обыкновению, они многого не понимают: настроение, вызвавшее парижскую коммуны, создано именно в том процессе самозащиты Франции,* в течении которого обнаружилась несостоятельность французского правительства в деле обороны страны. Это выясняется решительно всеми историками парижской Коммуны.

Все эти соображения совершенно упускаются из виду Вашими представителями, а между тем их необходимо иметь в виду при выяснении нашего отношения к войне. Вот почему мы еще раз просим Вас не выдвигать В. идеи касательно войны, как условия объединения, а, главное, не ставить нас в необходимость гласно заявить о своем несогласии с Вами. Хорошо было бы единство, начавшееся с раскола!⁵⁵

Ждем руки. С товарищеским приветом.

Ида Аксельрод
Г. Плеханов
П. Дневницкий

Добавление (из письма в Париж от 4-II-1915)

„Т.т. спрашивали, каково наше мнение относительно голосования

* Напомним, что Бланки, крайний французский революционер, издавал газету „Отечество в опасности!”

⁵⁴ The reference may be to Bernstein's "Socialdemokratie und Imperialismus", in: Sozialistische Monatshefte, IV (1900), pp. 238-51, and "Patriotismus, Militarismus und Sozialdemokratie", ibid., XI (1907), pp. 434-40. Bernstein shortly became critical of the German government and the Majority Social Democrats.

⁵⁵ Plekhanov's arguments failed to convince Popov and Stoinov or the Edinstvo group in Russia, most of whom adopted the internationalist line.

военных кредитов и проч. ... Мы очень и очень советуем фракции, а если бы она не согласилась, нашему депутату, *голосуя против соответствующих кредитов*, мотивировать такое голосование тем, что, хотя мы и считаем совершенно необходимой оборону страны, но, к сожалению, это первой важности дело находится в слишком ненадежных руках самодержавного царского правительства”.

Преписка т. Ольгина: „Дор. Товарищи! С удовольствием выражаю свою полную солидарность с содержанием этого письма. С Представителями ‚Единства‘ я также беседовал”.

В. Ольгин

4. PLEKHANOV TO G. A. ALEKSINSKII

Женева, 10 июля 1915

Уважаемый т. Алексинский, прежде всего позвольте поблагодарить Вас за книгу. Благодарю за то, что Вы прислали ее мне с любезной надписью; благодарю и вообще, как читатель. Ваша книга принесет большую пользу иностранной читающей публике, вероятно слышавшей о том, что между русскими революционерами есть такие идиоты, которые хотели бы, чтобы их страна сделалась жертвой экономической и политической эксплуатации со стороны Германии. Из Вашей книги иностранцы увидят, что между нами не все этого желают. И они скажут себе: значит, между ними есть серьезные люди. Вышла-ли Ваша книга также и на английском языке?⁵⁶ Если нет, пошлите ее непременно в редакцию „Justice” (Лондонской)⁵⁷ для отзыва.

Перехожу к тому делу, о котором Вы мне писали: — Я держусь того мнения, что мы не имеем права молчать. Но не имеем и права садиться в калошу: это было бы торжеством идиотов. Поэтому полагаю, что необходимо предварительно взяться за то, что в исторической науке называется критикой источников. Необходимо подвергнуть строгому пересмотру все те данные, которые уже имеются или могут быть получены потом, но до начала дела. Надо, чтобы сразу была отнята у противника возможность кричать: „Гнусная клевета!” И это все, что я могу сказать по поводу этого дела.⁵⁸ Но за критику источ-

⁵⁶ The volume referred to is Aleksinskii's *La Russie et la Guerre*. It was published simultaneously in London as *Russia and the Great War*.

⁵⁷ *Justice*, the organ of the British Socialist Party, had printed Plekhanov's letter of October 1914 cited in note 4.

⁵⁸ As it becomes apparent further along in this letter, a scheme of Parvus is at issue.

ников я стою и очень прошу Вас внимательно заняться ею. – Напишите, что Вы думаете о моем совете. – Кстати! Если Вы возьметесь за критику источников и вообще за все это дело, то уехать Вам из Парижа невозможно. Это очевидно. Иначе атакованный противник успеет бежать. Крепко жму руку.

Ваш Г. Плеханов

P.S. Мне сдается, что Вы правы, считая неосторожностью переговоры с „Нашим Словом”. Тут, действительно, нужны быстрота и натиск. Но, может быть, т. Марк имеет какие нибудь особые, *местные* соображения!⁵⁹ Их я не знаю и судить пока не берусь. Но с общей точки зрения Вы правы. И позор был бы, если бы на деньги Парвуса был основан легальный орган.⁶⁰

Г.П.

Aleksinskii had earlier attacked Parvus for his connections with the German-subsidized Union for the Liberation of the Ukraine. Now he was prepared to brand him an *agent provocateur* in the pay of the Central Powers, with the mission of fomenting revolution in Russia. Further, he intended to denounce the Institute for the Study of the Social Consequences of War that Parvus had founded in Copenhagen, and into whose service he had recruited a number of emigrant Russian Social Democrats, as a nest of spies. Aleksinskii pressed his charges, partly on the basis of evidence provided by Dr Ia. Fridman, A. Kiselev and P. Stepanov, in “Mezhdunarodnaia ober-provokatsiia”, in: *Rossiiia i Svoboda*, September 5 and 26, 1915. He subsequently repeated the charges and briefly summarized the evidence in *L’Humanité*, October 3 and 19. See also Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, pp. 110-11; Z. A. B. Zeman and W. B. Scharlau, *The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus) 1867-1924* (London, 1965), pp. 159-64, 195-96. For a critique of the latter work, L. van Rossum, “A propos d’une biographie de Parvus”, in: *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, VIII (1967), pp. 244-63.

⁵⁹ Mark Liubimov. This paragraph shows that Aleksinskii wished also to prove the existence of the links between Parvus and *Nashe Slovo* that he had frequently alleged, but he was obliged to temper that accusation in *Rossiiia i Svoboda*, September 26. While the Social Democrats whom Parvus had recruited in Switzerland were supporters of *Nashe Slovo*, he claimed, he conceded that the efforts of one of them to secure the backing of the *Nashe Slovo* people in Paris for the Copenhagen Institute had failed. A. G. Zurabov, a Social Democratic deputy in the Second Duma and one of Parvus’s employees in the Copenhagen Institute, wrote a partial reply to Aleksinskii’s charges that was printed in *L’Humanité*, October 19.

⁶⁰ The charge that *Golos* (and its successor *Nashe Slovo*) was financed by German money was raised by French nationalist writers and Russian emigrants soon after the paper’s creation. Such historians as Zeman and Scharlau (*The Merchant of Revolution*, op. cit., p. 155) and F. Conte (*Christian Rakovski (1873-1941). Essai de biographie politique* (Paris, 1975), I, pp. 141-47) argue that the charge was well-founded, that the paper was “mainly” financed by German money advanced through Rakovski. The evidence they present to support the charge is, however, inconclusive. A close study by a Dutch historian concludes that at least part of the financial support of the paper is rightly suspect. See A. P. van Goudoever, “Cristian Racovski and *Nashe Slovo* (1914-1916)”

P.P.S. Итак, вот мое заключение: а) критика источников; б) после нее быстрая и, по возможности, внезапная атака. И то, и другое представляется мне нашею прямою обязанностью. *Мы сделали бы преступление, если бы дали уйти мерзавцу Парvusу.*

Ваш Г.П.

5. ALEKSINSKII'S NOTE ON A CONVERSATION WITH PLEKHANOV IN GENEVA,
SEPTEMBER 1915

Запись беседы моей (Г. А. Алексинского) с Плехановым, в Женеве,
1915 г.⁶¹

Г.В. находит, что мои разоблачения о связях б-ков с немцами имеют чрезвычайно важное значение для борьбы с пораженческими и германофильскими тенденциями среди эмиграции. По мнению Г.В., Ленин схватился за войну, как за единственное для него средство добиться своих целей. Если бы не вспыхнула война, то вопрос о его дезорганизаторской роли в русском рабочем движении, был бы поставлен на Междунар. Социалистическом Конгрессе, который, наверно, осудил бы Ленина и исключил бы его из Социалистического Интернационала, как в свое время были исключены Бакунин и К. Война помещала созыву Конгресса и спасла Ленина от исключения из рядов Соц. Интернационала.⁶² Ленин за это должен быть благодарен Вильгельму II и германским милитаристам, спровоцировавшим войну. Естественно, что Ленин должен „из простой благодарности” – сказал полусутия Г.В. – желать им победы, а России и союзникам поражения.

На мой вопрос: – допускает ли Г.В. получение пораженцами финансовой поддержки от немецкого правительства,⁶³ Г.В. ответил, что

in: *Romanian History 1848-1918*, ed. by A. P. van Goudoever (Groningen, 1979), p. 119.

⁶¹ This conversation occurred at the time of the founding of Prizyv in September 1915 (see note 66). Aleksinskii wrote this memorandum after the meeting of course, but it is impossible to date the document exactly. In the NB, Aleksinskii first wrote September 1915.

⁶² On these affairs, see R. C. Elwood, "Lenin and the Brussels 'Unity' Congress of July 1914", in: *Russian Review*, XXXIX, pp. 32-49.

⁶³ Within the limits of this contribution it is of course impossible to treat in extenso the much-debated question whether the Bolsheviks received money from the Germans in the course of World War I. After G. Katkov and Z. A. B. Zeman published the relevant German Foreign Office documents in the late 'fifties, there could be no doubt that the German government allocated considerable sums to support various nationalist and socialist groups opposed to the Tsarist regime, the Bolsheviks among them. However, G. Bonnin, L. van Rossum and others have expressed serious doubts as to whether these documents prove that some of this money reached the Bolsheviks, as many Western historians have asserted. After reviewing all the pertinent evidence, A. E. Senn concludes: "That Tsivin, Parvus, Kesküla, and Moor worked as German agents of one sort or

вполне допускает, ибо знает, что уже во время русско-японской войны, Ленинский центр не брезговал помощью японского правительства, агенты которого в Европе помогали распространению ленинских изданий. В этом, тогда же, т.е. во время русско-японской войны признался Г.В—чу ближайший соратник Ленина, Бонч-Бруевич.⁶⁴

Что касается Парвуса, то, по мнению Г.В—ча, Парвус вообще человек нечистоплотный. Он обвинялся в растрате партийных денег и, ради денег, способен пойти на службу к немцам.

Г.В. не удивляется лицемерному крику, который подняли против меня пораженцы и немецкие наемники после моих разоблачений о них.⁶⁵ – Вы, сказал мне Г.В., нанесли им такой удар, что они, конечно, в бешеной злобе против Вас. Но это неизбежно, за смелое и честное выступление против *подлецов* (sic), подлецы не могут не мстить. Но зато порядочные люди и честные социалисты будут с Вами. Г.В. обещал мне свою полную поддержку и на прощание обнял меня.

NB. Это запись разговора, который был у Алексинского с Г.В. Плехановым в Женеве во время совещания социал-демократов и эс-эров оборонцев, в результате которого, в августе 1915 г., была создана антипораженческая группа „Призыв”.⁶⁶

Дополнение (к записи беседы с Г. В. Плехановым)

Плеханов пожелал говорить со мною о деле Парвуса и моих разоблачениях с глазу на глаз, ибо, как он выразился, дело это чрезвычайной важности и надо, чтобы возможно меньшее число нескромных ушей могло слышать, то, чего им слышать не надо.

Кроме того Плеханов предвидел жесточайшую полемику по этому поводу в социалистических кругах, бешеные атаки на меня пораженцев и германских агентов. Плеханов сказал, что он уверен, что меня эти

another, is not to be denied [. . .]. Yet there is no evidence that they transmitted anything [before the February Revolution] from the Germans to Lenin.” See A. E. Senn, “The Myth of German Money during the First World War”, in: *Soviet Studies*, XXVIII (1976), p. 85.

⁶⁴ V. D. Bonch-Bruevich (1873-1955), an associate of Plekhanov’s Emancipation of Labor Group before the turn of the century, and later a collaborator in various Bolshevik publishing enterprises.

⁶⁵ See, for example, Trotskii’s anonymous article “Klevetnikam!”, in: *Nashe Slovo*, April 25, 1915; id., “Otkrytoe pis’mo T. Plekhanovu”, loc. cit.; and, for a later case, “Byvshii deputat ili gorokhovoe pal’to”, *ibid.*, November 5. These items involved insinuations against Rakovski, Trotskii and Bukharin.

⁶⁶ On the meeting, which occurred September 5 to 10, 1915, see Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, pp. 108-09. A manifesto (*Izveshchenie*), which Plekhanov probably wrote, outlined the views of the new group, and announced its intention to publish *Prizyv*.

аттаки не поколеблют и я буду продолжать начатые разоблачения. Но он опасался, что даже не все оборонцы, эс-дэки и эс-эры, – найдут в себе достаточно мужества устоять перед натиском германофилов и нем. агентов. Некоторые окажутся слабонервными и начнут говорить: – Зачем эти разоблачения? Они компрометируют партию. К чему выносить сор из избы и пр.?

Надо быть готовым к этому „припадку малодушия” у некоторых из наших товарищей.

Я ответил, что я руководюсь своей совестью и своим сознанием долга социал-демократа и революционера. Разоблачать грязную измену не перестану. Плеханова за моральную поддержку сердечно благодарю.

Мы уговорились с Плехановым о переписке по поводу дальнейшего развития „событий”.

Г. Алексинский

6. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII, DICTATED TO R. M. PLEKHANOVA

San Remo, 11 февраля 1916 г.

Уважаемый Григорий Алексеевич,

Мой муж, вернувшись вчера из Ниццы, застал здесь Ваше письмо и спешит на него ответить, но он совсем болен, и потому я пишу под его диктовку.

Обращение к думской фракции с изложением нашей точки зрения крайне желательно.⁶⁷ С ним надо спешить. В обращении следует отметить, что хлопоты немецкого Parteivorstand'a о мире представляет собой лишь новую форму, в которую облакаются его империалистические стремления, и что социалисты атакованных стран показали бы себя очень наивными, если бы поддались на удочку г.г. Шейдеманов.⁶⁸ Что касается образования комитета из социал-демократов и трудовиков, то, одобряя идею, мой муж, не понимает названия. Он думает, что вместо слова комитет, надо взять какое-нибудь другое,

⁶⁷ Plekhanov's open letter to the Social Democratic deputy Bur'ianov had been a move to establish relations with the fraction. (The two had been associated in the Edinstvo group before the war.) Another deputy, I. A. Man'kov, had earlier voted for war credits, and as a consequence was expelled from the Social Democratic fraction. Prizyv, March 18, 1916, noted with satisfaction that Bur'ianov, Man'kov and all the Trudoviks had taken the defensist line at the Duma session that began on February 9 (22). Bur'ianov had declared his complete solidarity with Plekhanov's group.

⁶⁸ The reference is probably to the Guiding Principles on the Question of War Aims adopted at the joint meeting of the Party Executive and the Reichstag group on August 14-16, 1915; and to Scheidemann's interpellation in the Reichstag on December 9, wherein he had pleaded that Germany take the initiative for peace without annexations, but with Germany retaining Alsace-Lorraine. See Miller, *Burgfrieden und Klassenkampf*, op. cit., pp. 117-25, 190-200.

напр.: соглашение. Что же касается междупарламентской конференции, то мой муж находит очень желательным обращение к ней в указанном Вами смысле. Оно должно быть сделано на хорошем французском языке. Поэтому к его составлению надо было бы привлечь Дюма или Бракэ.⁶⁹ А через них посоветоваться с Гэдом на счет ее содержания: он, вероятно, хорошо знаком с психологией таких конференций. Кроме того, от Гэда надо было бы для „Призыва” интервью по вопросу о миролюбивых проэктах немецкого Parteivorstand'a.⁷⁰

Точно также весьма желательно установление связей между редакцией „Призыва” и французской партией. В обращении к ней надо отметить, что на нашей точке зрения стоит огромное большинство французского пролетариата.

2-го тома работы мужа мы еще не получили.⁷¹ В „Призыве” он будет, по мере возможности, часто писать.

Мы оба шлем Вам горячий привет.

Р. Плеханова

7. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII

San Remo, 31 марта, 1916 г.

Многоуважаемый Григорий Алексеевич,

Я на целых два дня замедил ответом на Ваше письмо. Простите: был крайне занят, к тому же я хотел обдумать свой ответ на Ваш вопрос. Теперь я Вам скажу вот что. Совершенно очевидно, что Волонтер не джентльмен.⁷² Выступать с ним вместе очень неприятно. Но из за этого все таки не стоит мешать Сэвраку делать свое дело.⁷³ И если Сэврак будет по той или по другой причине, настаивать на участии Волонтера, то надо уступить. Sinon, non. Вот все, что я могу

⁶⁹ Charles Dumas (1883-1955), French socialist and member of the Chamber of Deputies, was the Secretary of Guesde's ministry. Alexandre Bracke-Desrousseaux (1861-1955), another French socialist deputy, and a Guesdist, was a member of the Executive Committee of the French party. Both supported the war.

⁷⁰ I have found no such interview in Prizyv.

⁷¹ The reference is to Plekhanov's *Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli*, whose second volume appeared at the end of 1915.

⁷² Volonter was the pseudonym of M. Pavlovich-Weltmann (1871-1929), a collaborator of *Nashe Slovo*. Volonter penned a cutting attack on Plekhanov's *O voine*, and sent it to *Nashe Zaria* in Petrograd for publication. The editors refused to print it, but Plekhanov may somehow have learned of its contents. *Pis'ma P. B. Aksel'roda i Iu. O. Martova*, pp. 335-36.

⁷³ J. B. Séverac, a French socialist writer, occasionally contributed to *Prizyv*. He had evidently proposed a publishing enterprise in which Volonter would collaborate with Plekhanov and Aleksinskii. To yoke the internationalist with the two defensists was likely to be more than difficult, and in fact no such enterprise ever materialized.

сказать по этому поводу. Прибавлю впрочем, что предприятие Сэврака обещает быть для нас весьма полезным. Стало быть, его надо поддерживать. Насколько я могу судить по последним „Humanité”, наши французские товарищи придадут слишком большое значение германской с.-д. оппозиции.⁷⁴ Об этом нам, как видно, придется еще спорить с ними. Где? Я думаю в будущем органе Сэврака. Кстати, передайте Сэвраку мой искренний привет. Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы хорошенько осведомили меня о взглядах Лонгэ на нынешнее положение. Это важно для меня по многим причинам. Вообще, Вы сделаете хорошее дело, держа меня au courant французских настроений. Что Ваши сочинения на иностранных языках расходятся во многих изданиях, этому я от души рад. Я высоко ставлю Ваш талант публициста и с большим интересом слежу за Вашей литературной деятельностью. К сожалению, книг Ваших у меня нет. Если можете, пришлите.

Надеюсь, что Гэд переслал Вам мою статью для „Призыва” о речи Чхеидзе.⁷⁵ Напишите, хотя бы в карте, когда она будет напечатана. Ваши письма всегда меня радуют, в них так много убеждения и энергии.

На днях пришлю Вам через Гэда письмо ко мне одного ликвидатора, стоящего теперь за самозащиту страны. Мне думается что его можно использовать для „Призыва”. Кстати, есть ли у Вас сборник ликвидаторов?⁷⁶ У меня его пока еще нет.

Bien à vous
G. Plekhanoff

Привет Т. Любимову Г.П.

⁷⁴ On March 24, Hugo Haase and seventeen others were expelled from the Social Democratic Reichstag group for voting against war credits. L'Humanité carried reports on the German Social Democrats on March 24, 27, 29, 30 and 31.

⁷⁵ This was a commentary on the speech that N. S. Chkheidze, head of the Menshevik faction in the Duma, delivered to that body on February 10, 1916. The article, “Eslu khochesh dobrogo mira, vedi khoroshuiu voinu”, appeared in Prizyv, No 28 (April 8, 1916). Plekhanov evidently corresponded with his colleagues in Paris by way of Guesde, to avoid difficulties that might be created by French government surveillance of letters from abroad.

⁷⁶ The reference is to Samozashchita (Petrograd, 1916), a collection of articles in support of the Russian war effort edited by A. N. Potresov, and including articles by V. Zasulich, P. Maslov, V. Vol'skii, Potresov and others. Plekhanov had bitterly fought the liquidator faction in the party in the pre-war years, but with the outbreak of the war his position and that of such liquidators as Potresov and Maslov turned out to be similar.

8. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII

San Remo, 26 апреля 1916 г.

Дорогой Григорий Алексеевич,

Пишу Вам под непосредственным впечатлением известия о дублинском восстании. Я прочел о нем в „Secolo XIX”, только что полученном в San Remo.

Совершенно ясно, что это германская интрига. Впечатление от этого восстания будет не в пользу союзников. Если будет, чтонибудь интересное об этом деле в „Temps” или в другой какойнибудь парижской газете, сообщите мне письмом: газет сюда, кажется не пропускают, если они не идут непосредственно из газетной экспедиции. „Призыву” необходимо печатно высказаться об ирландском деле.⁷⁷ И так высказаться, чтобы у возможных русских вспышкочислителей прошла охота прибегать к *procedés*, полезным только для германского империализма. Вы и т. Любимов окажете мне большую услугу, подняв этот вопрос на собрании редакции и сообщите мне об ее решении. Беда жить так далеко. Кстати, Фундаминский⁷⁸ ознакомил меня со своей статьей забракованной большинством редакции „Призыва”. Он совершенно примирился с участью этой статьи, но мне кажется, что Вы были слишком строги. Он не поднимает вопроса о перемене программы крайних левых партий. Он говорит исключительно только о *тактике*. И мне кажется, что он высказался в духе тех тезисов, которые были приняты всеми нами в Женеве.⁷⁹ Говоря это, я имею в виду его *выводы*. Как марксист, я *аргументировала бы иначе*. Но ведь в данном случае дело в выводах. Поверьте, Григорий Алексеевич, мне было бы тяжело расходиться с Вами. Я очень высоко ставлю Ваш неоспоримый публицистический талант. Но не будьте слишком подозрительны. Не приписывайте мне оппортунизм, который был мне всегда ненавистен. Я думаю, что следовало бы напечатать статью Фундаминского и тотчас же начать по ее поводу, спокойный, товарищеский обмен мнений. Это придало бы „Призыву” новый интерес и новое историческое значение. Я обещаю Вам большую статью по вопросу, поднятому в этой статье. *ОГОВОРКА*, – выражение *марксизм интеллигенции* надо было бы устранить во всяком случае. Полезно будет устранить и *указание на ошибки 1905–1907*. В коалиционном

⁷⁷ Plekhanov publicly opposed the Easter uprising in an article “Anglo-Irlandskaia drama”, in: Prizyv, No 33 (May 13, 1916).

⁷⁸ I. I. Bunakov-Fundaminskii (1881–1942), a prominent Socialist Revolutionary, was a member of Prizyv’s editorial board.

⁷⁹ The meeting which established the Prizyv group. The principles are embodied in the *Izveshchenie* referred to in note 66.

органе, как „Призыв” говорить об этих ошибках неуместно: чуть ли не каждый из нас понимает их по своему. Затем, ей богу, следовало бы напечатать мнение Фундаминского. Конечно, я говорю об une cause jugée. Но если бы Вы смягчились, то телеграфируйте Фундаминскому, он вышлет Вам статью.⁸⁰

Поклон т. Любимову и всем другим товарищам.

Ваш
Г. Плеханов

P.S. Большое спасибо за книгу.

9. PLEKHANOV TO THE EDITORS OF PRIZYV

San Remo, 24 мая 1916 г.

Дорогие товарищи,

Я телеграммой просил Вас подождать моего письма, так как я не могу безусловно одобрить составленный Вами проэкт обращения к нашим французским товарищам.

1. Я думаю, что прежде, нежели предпринять какие нибудь объяснения с Административной комиссии надо неофициально переговорить с Гэдом. Если бы редакции „Призыва” не удалось сговориться с Гэдом, то ей все таки не следует предпринимать шагов, могущих вызвать недоразумения между Гэдом и нами.

Прочтите Дюма мое письмо и попросите его устроить необходимое для объяснения свидания.

2. В разговоре с Гэдом я совершенно отказался бы от того тона, в котором написан Ваш запрос французской партии. Я знаю французов и предсказываю Вам, что тон этот способен только вызвать почти – разрыв с французской партией. А от разрыва прежде всего выиграют французы. Надо говорить совершенно товарищеским тоном, *особенно с Гэдом*.

Объяснение которое теперь произойдет, следовало предпринять *до поездки Тома в Россию*.⁸¹ Раз он поехал туда, *он не мог не представ-*

⁸⁰ No article by him appeared in Prizyv after No 31 (April 29) until No 38 (June 17), when Bunakov joined Avksent'ev in authoring a piece on the affairs of the SRs.

⁸¹ Albert Thomas (1878-1932), French socialist leader and Minister of Munitions in the war cabinet. With René Viviani (1863-1925), Minister of Justice, he visited Russia in May 5-7, 1916, to strengthen ties between the two allies. The Paris editors of Prizyv drafted a complaint to the Administrative Commission of the French party that spoke of the expected presentation of Thomas to the Tsar as something “unheard of in the history of socialism”, and tantamount to moral support of Tsarism’s repressive policies. The letter is in Correspondence, Prizyv, Aleksinskii Collection, Columbia University. On the Thomas visit, see M. Paléologue, *An Ambassador’s Memoirs* (3 vols; New York, n.d.), II, pp. 252-61; B. W. Schaper, *Albert Thomas. Trente Ans de Réformisme Social* (Assen, 1959),

иться царю. Визит к царю *est un fait accompli*. Его уже не вернешь. В виду этого можно *просить* (а не требовать тоном ультиматизма) только двух вещей от наших французских товарищей: а) сделать все от них зависящее, для избежания повторения подобных неприятных и нетактических происшествий, б) постараться высказать в печати — *точнее дать понять* в печати, — что для них, в противоположность газете „Temps” позади официальной России стоит *неофициальная*, рабочая, революционная с которой она и считает себя *нравственно связанной* (согласитесь, что французская соц. партия *не может* высказаться теперь *против официального союза* Франции с Россией.) На днях „Humanité” отчасти уже намекнула на это, полемизируя именно с „Temps”.

Теперь „Humanité” может возобновить полемику и высказаться яснее. Хороший повод: визит наших парламентариев.⁸²

Французы обладают огромным *art de dire*. Они сумеют сказать так, чтобы с одной стороны высказать свою солидарность с рабочей Россией, а с другой чтобы не восстать против Союза, который теперь необходим не только для Франции, но всех союзников, а стало быть и для трудящегося и угнетенного населения России.

Вот все, что я могу сказать Вам по поводу Вашего плана. Как видите, я противопоставляю ему другой, сводящийся: во-первых к *предварительному совещанию* с Гэдом, во-вторых, к перемене тона, в котором Вы будете вести объяснения с французской партией.

Я боюсь, что тон, в котором написан Ваш проэкт объяснения делает невозможными дальнейшие совместные выступления с французской партией. А такие выступления (в будущем) и возможны и крайне желательны.⁸³

Прошу Вас поскорее сообщить мне, что думаете Вы о моем контр-проэкте.

Крепко жму Ваши руки

Ваш

Г. Плеханов

pp. 128-29. The Russian socialists had reason for concern, for, according to Paléologue, Thomas privately advised a Russian Minister that the workers ought to be militarized in order to increase production.

⁸² A Duma delegation headed by A. D. Protopopov and including P. N. Miliukov visited Western Europe from mid April to mid June 1916. Miliukov's account of the delegation's activities constitutes a chapter (pp. 340-60) of his Political Memoirs. The French socialists to whom he talked, he remarks (p. 353), "conveyed distrust and concealed disapproval", thus going beyond what Plekhanov probably deemed appropriate. On the other hand, L'Humanité (May 23, 1916) carried a front-page interview with Miliukov that was distinctly friendly in tone.

⁸³ We have no information on the disposition of this matter, but it seems likely that Plekhanov's advice was taken.

Кстати: опечатки в „Призыве” способны довести авторов до отчаяния. Вторая статья Арзаева искажена.⁸⁴

Г.П.

10. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII

Villa Margherita
Sattina Vallombrosa
Presso Firenze
12/VII 1916.

Уважаемый и дорогой Григорий Алексеевич, Вы, – т.е. вся редакция „Призыва”, – правы: я давно уже не писал для нашего органа.⁸⁵ Каюсь в этом, но был занят третьем томом своей истории. На днях пришлю Вам статью. Но не на ту тему, о которой Вы мне писали. По моему о прогрессивном блоке писать теперь неудобно: нельзя открывать перед неприятелем, т.е. перед крайними правыми все частности наших тактических воззрений. Мне думается, что мы были слишком откровенны в вопросах об обороне страны и, кажется, Россия поплатится за это, что разумеется весьма печально. Говоря это, я имею в виду поход крайних правых против общественных организаций.⁸⁶ Правые прямо намекают, что лучше мир с немцами, нежели дальнейший успех названных организаций. Что касается собственно блока, то мне будет очень жаль, если т. Воронов очень разбранит его.⁸⁷ Тут надо опять помнить, что правые с пеною у рта говорят о блоке: стало быть, он причиняет им известные неудобства. Я считал бы, что мы сделали огромную ошибку, если бы *наши*

⁸⁴ Iu. Arzaev, a follower of Plekhanov and contributor to Prizyv. The article referred to is the concluding half of a two-part piece, “Lenin o voine”. The first appeared in Prizyv, No 30 (April 22, 1916), the second in No 32 (May 16). In the second part Arzaev juxtaposed Plekhanov’s views to Lenin’s, but why the former thought there was some distortion in Arzaev’s piece is not readily apparent.

⁸⁵ Nothing from Plekhanov’s pen appeared in Prizyv between May 13, 1916, and July 22 (No 43), when part of an article he had published in Svobodnoe Slovo was reprinted. The third volume of his *Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli* came out in late 1916. Internal evidence makes it virtually certain that document No 10 should be properly dated August 12 rather than July 12.

⁸⁶ Prizyv of course supported worker participation in the War Industries Committees. In an article entitled “Pokhod protiv voenno-promyshlennykh komitetov” (Prizyv, No 37, June 10), B. Voronov, a member of the editorial board and a regular contributor, brought together evidence culled from the Russian press concerning attacks on the committees, and especially their worker-group components. Articles on the War Industries Committees appeared also in the two following numbers of Prizyv. See Siegelbaum, “The Workers’ Groups and the War-Industries Committees”, loc. cit., p. 175.

⁸⁷ Plekhanov evidently had in view an article by Voronov, “Razlozhenie progressivnogo bloka”, which despite his objection was printed in Prizyv, No 46 (August 12).

нападки на блок, дискредитируя его в общественном мнении, помогли правым разбить его. Милукову я сказал, что если блоку удастся решить вопросы еврейский и крестьянский, то надо будет признать его создание большим стратегическим успехом прогрессивной России.⁸⁸ Впрочем, я тогда же, случайно встретившись с одним националистом, начал сомневаться в возможности решить эти два вопроса с помощью блока. Потом события показали, что это было невозможно. Это жаль, но, во-первых, это вина не к.д., а националистов, во-вторых, как знать, что будет в следующую сессию? Как бы там ни было, вы не должны противодействовать ни одному из тех общественных явлений, которые способствуют *изоляциям реакционеров*. Только с этой точки зрения, по моему и возможно критиковать блок, но критиковать его с этой точки зрения не всегда осторожно...

Прочел я в „Призыве” статью о Жоресе и при всем великом уважении моем к памяти этого последнего, я не мог не спросить себя: неужели же редакция „Призыв” *безусловно* разделяет взгляды Жореса?⁸⁹

Итак на днях высылаю статью.

Искренний привет всей редакции „Призыва”.

Глубоко преданный
Ваш Г. Плеханов

II. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII

Villa Margherita
Sattina Vallombrosa
14 августа, 1916 г.

Дорогой Григорий Алексеевич,

Согласно моему последнему письму, которое Вы, я надеюсь получили, посылаю Вам свою статью. В конце видно, почему она озаглавлена:

⁸⁸ In June 1916 Plekhanov met Miliukov in Rome, in the course of the latter's trip abroad with the Duma delegation. After returning, Miliukov reported to a Duma committee: "I had occasion in Rome to speak to Plekhanov, a prominent representative of our emigration, and I can state that the policy of the Parliamentary Progressive Bloc has the complete support of this prominent social-democratic politician." "Russkaia 'parlamentskaia' delegatsiia za granitse v 1916 g.," in: Krasnyi Arkhiv, No 58 (1933), p. 23.

⁸⁹ The reference is to an article marking the second anniversary of the assassination of Jaurès, published in *Prizyv*, No 44 (July 29). Plekhanov had earlier crossed swords with Jaurès on the question of opportunism, and therefore was not fully in agreement with the article's unqualified enthusiastic tone. On Jaurès on war and peace, he had expressed very positive views in a two-part article written for the first anniversary of Jaurès's death and published in *L'Humanité*, November 2-3, 1915, under the title "Jaurès et la question de la paix". It was subsequently reprinted in *Svobodnoe Slovo*, 1916, pp. 625-33, and as part of a longer essay, "Internatsionalizm i zashchita otechestva", in *Sovremennyi Mir*, 1916, No 5-6, pp. 49-65.

„Knock down”.⁹⁰ Очень прошу Вас обратить внимание на то, чтобы это заглавие было правильно набрано.

Будьте добры, известите меня о получении моей рукописи. Я надеялся найти в последнем номере „Призыва” большую статью о съезде Conseil National французской партии.⁹¹ Вы, наверно, принимали участие в заседаниях, так как Вы – член одной из французских организаций. Съезд поднял крайне важные вопросы международной соц. тактики и даже теории. Мне кажется что ближайшие номера „Призыва” должны быть посвящены этим вопросам. А „Наше Сквернословие”⁹² следовало бы, думается мне, совсем оставить в покое: очень уж ничтожны эти люди, не пора заявить, что в виду отношения этих господ к Лозанской Комедии, очевидно организованной германским императорским правительством, мы считаем невозможным полемизировать с ним?⁹³ Я передаю этот вопрос на рассмотрение редакции и прошу на него ответа. Если редакция найдет, что все таки надо время от времени хлестать этих рептилий, – что Вы, кстати сказать делаете превосходно, то я советую третировать их не иначе, как учеников Домелы Ньевенгайса,⁹⁴ т.е. анархистов и анархо-синдикалистов. Ведь, это же святая истина, т.е. они смотрят на войну глазами Домелы, – что же нам от своего счастья отказываться?! Вы превосходно хлещете их, и все таки Вы слишком добры к ним.

В „Humanité” был изложен взгляд Пабло Иглезиаса на нынешние международные отношения. Его необходимо воспроизвести на страницах „Призыва”. Необходимо тут же воспроизвести заявление Брантинга, напечатанное в той же „Humanité”. И Вам, кажется, известно, наконец я сегодня получил брошюру с изложением, на разных языках, отношения к Австрии чешских социалистов в Америке. О этой брошюре надо тоже сказать хоть несколько слов в нашем органе.⁹⁵ Вообще,

⁹⁰ “Knock Down”, an article critical of N. K. Chkheidze, appeared in Prizyv, No 49 (September 2).

⁹¹ The lead article in Prizyv, No 46, is devoted to the meeting of the National Council of the French Socialist Party on August 6.

⁹² An ironic reference to the collaborators in *Nashe Slovo*.

⁹³ Plekhanov had in view the Third Conference of Nationalities, which had in fact been infiltrated by the German-inspired League of Alien Peoples of Russia. The Conference, which met in Lausanne from June 27 to 29, 1916, had a decidedly anti-Russian tone. See Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, ch. 14. Articles in *Nashe Slovo*, July 13, 29 and 30, reported and discussed the conference. Manuilskii, the author of the second and third of these charged that Russian patriotic and social-patriotic journalists had served as agents of Russian absolutism in the halls by spreading rumors – he implied they were false – that the conference was a tool of the German government.

⁹⁴ Ferdinand Domela Nieuwenhuis (1846-1919), Dutch anarchist, with whom Plekhanov had crossed swords more than once in meetings of the Second International.

⁹⁵ Karl Branting (1860-1925), leader of the Swedish Social Democratic Labor Party. The editors had already arranged to publish his anti-Zimmerwaldist declaration in Prizyv, No

международной соц. печати следовало бы посвящать у нас гораздо больше места. Если мы будем поменьше заниматься „сквернословцами”, то у нас останется больше места и времени для международных дел.

Теперь вот что. На съезде Conseil National решено добиваться созыва конференции социалистов союзных стран.⁹⁶ Редакция „Призыва” понимает, что нам *нужно* быть на этой конференции. Но как это сделать? По моему следует *во первых* сговорится с Дюбрейнем⁹⁷ *о сроке созывания*, надо дать ему понять, что *близкий* срок нам неудобен, так как, желая иметь серьезные мандаты, мы должны снестись с Россией. Может быть, для этого не бесполезно было бы показать мое письмо Гэду. Добившись поддержки французской партии, надо *во вторых*, написать ответ, в том же смысле и вместе с французами – Гюисмансу. *В третьих*, надо немедленно снестись с Россией на счет присылки нам серьезного мандата. Телеграфируйте Бурьянову, что нам нужен мандат для защиты нашего взгляда на конференцию. Я думаю, что цензура пропустит эту телеграмму. Если невозможна телеграмма, пишите письмо, но делайте не теряя ни одного дня: дело капитально важное. На счет мандата я могу написать Л. И. Аксельрод,⁹⁸ которая теперь с Масловым и Потресовым, будет издавать журнал (revue). Не знаю выйдет ли из этого что нибудь. Во всяком случае, обращаться к ликвидаторам, хотя бы и через посредство Л. И. Аксельрод мне было бы неприятно и я сделаю это только в случае безусловной необходимости.

Решайте Вы все, есть ли на лицо такая необходимость. Буде – есть, телеграфируйте мне: „Ecrivez en Russie”. Я пойму, что надо писать именно Л. И. Аксельрод, и сейчас же напишу.

46. No 49 carried an article on the Spanish socialists which included a reference to Iglesias, one of their leaders. The paper did not take notice of the views of the Czech socialists in America on Austria, no doubt because it had already printed in No 35 (May 27) an appeal of the Czechs in the United States to the International on behalf of the creation of an independent Czechoslovak State.

⁹⁶ The National Council of the French Socialist Party voted to convene such a congress in Paris in January 1917. It was to promote pressure on the governments against conquest, annexations, and economic agreements injurious to the working class. See Fainsod, *International Socialism and the War*, op. cit., pp. 102-04.

⁹⁷ Louis Dubreuilh (1862-1924), Secretary of the French Socialist Party, was evidently involved in organizing the congress. He had a letter printed in *Prizyv*, No 52 (October 1), congratulating the editors on completing a year of publication, and underscoring the solidarity of the French Socialist Party with the views of *Prizyv*.

⁹⁸ Liubov' I. Aksel'rod-Ortodoks (1868-1946), disciple of Plekhanov and writer on philosophical subjects, joined Potresov and Maslov in 1916 in the publication of *Delo*, successor to *Nashe Zaria* (1914) and *Nashe Delo* (1915), which the government had suppressed.

Ну, пора кончать. Очень обяжете меня, сообщив мне свои личные впечатления, полученные на французском Съезде.

Мой искренний и горячий привет всем Вам.

Ваш Г. Плеханов

P.S. Я разорвал конверт, чтобы прибавить этот *post-scriptum*. Если решено будет, что съедутся на конференцию *des pays Alliés* лишь те, которые представляют свои партии в Бюро (международном социал.), то надо будет обратиться к Вандервельду, как представителю Исполнительного Комитета М.С. Бюро с просьбой констатировать, что русская партия была *in statu nascendi* как раз накануне войны: наша брюссельская конференция. И мы требуем, чтобы все те, которые представляли свои группы на этой брюссельской конференции, получили бы право представительства на *conference des pays alliés*. *C'est justice*. Вандервельде знает наше тогдашнее положение, он знает наше нынешнее положение. Он не может не поддержать нас.

Снесите с ним от моего имени.

Monsieur E. Vandervelde, ministre de la guerre belge, Le Havre.

Документы, относящиеся к нашей брюссельской конференции, вероятно, еще хранятся у Гюисманса. Он знает, что Вы, Г. Ал. и я – мы оба имеем право на представительство, и право это должно быть признано за нами, и оно будет признано.⁹⁹ Только надо побольше настойчивости.

Г.П.

P.P.S. Статью свою я посылаю Гэду. Зайдите за ней.

12. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII

San Remo, le 1 octobre 1916

Глубокоуважаемый Григорий Алексеевич,

Только что получил Ваше письмо. Оно очень обрадовало меня, показав, что Вы смотрите на вопрос о сотрудничестве в известной Вам газете так же, как и я.¹⁰⁰ Момент очень важный и необходимо обладать

⁹⁹ Plekhanov had represented the Edinstvo group and Aleksinskii the Vpered group at the Brussels conference in July 1914.

¹⁰⁰ Plekhanov and Aleksinskii had been invited to collaborate in *Russkaia Volia*, a newspaper which was to be published in Petrograd with financial support (as they learned) of several banks. The paper appeared from December 15, 1916, till October 25, 1917. Some information on this paper, though tendentially presented, appears in O. Tsekhnovitser, *Literatura i mirovaia voina*, op. cit., pp. 111-18. A. D. Beliauskii, "G. V. Plekhanov, 'Prizyv', i gazeta 'Russkaia Volia'", in: *Uchenye Zapiski Gor'kovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, No 85 (1967), adds a number of interesting details to what is revealed by the letters here published.

как смелостью, так и широтой политического взгляда. Мы рискуем упустить нечто такое, какое потом нам уже не встретится. Тем не менее я думаю, что выступать надо всем нам вместе. Иначе наше с Вами отдельное выступление приняло бы смысл политического раскола в редакции „Призыва“, а всякая мысль, всякий слух о таком расколе принесли бы огромный вред. При том же я отчасти разделяю опасения т.т. Любимова и Воронова. Разделяю – в виду d'un fait nouveau – занятия предполагавшимся прежде издателем официального поста.¹⁰¹ Правда, il s'est désisté, он передал свои права и полномочия лицу, заслуживающему политическое доверие.¹⁰² Но лучше, чтобы независимость газеты от Пр[отопопова] стала очевидной для читателей прежде, нежели мы выступили в ней. Эта независимость сейчас же, конечно, и выяснится: за это ручается имя нового издателя. И тогда ничто не помешает нам деятельно сотрудничать в газете. А раньше неудобно, – очень жаль, что заграничная телеграфная информация достанется не нам. Но что же делать? При том же Вы можете (и должны) потребовать, чтобы все телеграфные корреспонденты новой газеты обязаны были безпрекословно пересылать в нее все те сообщения, которые мы найдем нужным сделать. Я думаю, что лицо с которым Вы ведете переговоры, без труда согласится на это.

Понимаю, как досадно будет, если уйдет от нас завидная возможность. Однако le fait nouveau, о котором я говорил выше, не позволяет нам немедленно выступать в газете. *Поэтому и имена наши пока не должны являться в списке сотрудников.* Так я думаю. Лицо, с которым Вы ведете переговоры, прислало мне телеграмму с изложением положения дел в Париже и в России. Адреса его я не знаю и не могу ему ответить. Прошу Вас, т. Алексинский, ответить ему за меня и сказать, что не телеграмма Иорданского,¹⁰³ а выше указанный fait nouveau, побуждает меня медлить с выступлением в газете.

Кстати. Я не вижу надобности обуславливать наше (возможное будущее) выступление соглашением Адрианова с Иорданским.

¹⁰¹ A. D. Protopopov (1866-1918), leader of the Octobrist Party and Vice Chairman of the Duma, who was named Minister of the Interior in September 1916.

¹⁰² Evidently a reference to I. D. Sytin (1854-1934), publisher of the Moscow daily Russkoe Slovo since 1897, which was close to the Kadets in 1905, and took the patriotic position during the World War. The word “evidently” is used because a number of persons figured prominently in the organization of Russkaia Volia, not only Protopopov and Sytin but S. A. Adrianov and A. V. Amfiteatrov (of whom more hereafter). Concerning Sytin's involvement, see A. M. Gor'kii and V. G. Korolenko, *Perepiska, stat'i i vyskazyvaniia* (Moscow, 1957), pp. 75, 80.

¹⁰³ N. I. Iordanskii (1876-1928), editor of *Sovremennyi Mir*, a monthly journal to which Plekhanov contributed frequently both in the pre-war years and during the war. After the February Revolution, he and Plekhanov jointly edited the new *Edinstvo*.

В таких делах *Иорданский* слишком прислушивается к тому, что скажет *Марья Алексеевна*, а эта последняя, наверно, еще долго будет клеветать на газету.¹⁰⁴ Нет, мы сами здесь должны решить, можно ли будет (и когда именно) выступать нам в газете. Решив это, мы пошлем Адрианову¹⁰⁵ коллективную телеграмму. Условьтесь с ним на ее счет. Повторяю, мы окончательно отвернемся от блестящей политической возможности, если поставим наше выступление в зависимости от переговоров Адрианова с Иорданским. Впрочем, на днях у меня будет Амфитеатров,¹⁰⁶ и я с ним тоже переговорю обо всем этом.

А что же „Призыв”? Вышел ли юбилейный номер? Я его не имею. Мне кажется, что в виду недостатка средств лучше сделать „Призыв” двухнедельным.¹⁰⁷

Очень благодарю Вас за книгу Вашей супруги „Parmi les blessés”.¹⁰⁸
Интересная и очень талантливо написанная книжка.

Преданный
Ваш Г. Плеханов

13. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII

Gênes, 23 октября 1916 г.

Дорогой Григорий Алексеевич,
Я сейчас видел Амфитеатрова, который проездом в Россию, увидится и с Вами. Я сказал ему, что о немедленном выступлении нашем в предполагающейся газете не может быть речи. Это ему не нравится. Но в сущности наше решение совпадает с его собственным. Он еще

¹⁰⁴ “My God, what will Princess Mar’ia Alekseevna say”, the last lines of Griboedev’s play *Gore ot uma*, was a byword among Russians for timidity induced by fear of what others might say.

¹⁰⁵ S. A. Adrianov, one of the editors of the moderate liberal daily *Slovo*, published in St Petersburg in 1906 to 1909. One of the organizers of *Russkaia Volia*, he had conducted negotiations with the *Prizyv* editors in Paris on the terms of their participation.

¹⁰⁶ A. V. Amfiteatrov (1862-1938), journalist and novelist who was exiled to Siberia in 1902 for having lampooned the Tsar in one of his works. After emigrating to Paris in 1905, he later affiliated with the Socialist Revolutionaries. With the outbreak of the war, he assumed a defensist stance. He returned to Russia in late 1916 to take part in the establishment of *Russkaia Volia*. In Russia, on September 28 (15), Gor’kii advised Korolenko that, according to a telegram from Amfiteatrov to Sytin, Plekhanov had agreed to collaborate in *Russkaia Volia*. A few weeks later Gor’kii informed Korolenko that Plekhanov had telegraphed to deny the rumors concerning his participation. Gor’kii and Korolenko, *Perepiska*, op. cit., p. 80.

¹⁰⁷ The anniversary number of *Prizyv*, twice the normal size, was published on October 1. Thereafter the paper did appear at two-week intervals.

¹⁰⁸ Tatiana Alexinsky, *Parmi les blessés*. *Carnet de route d’une aide-doctoresse russe* (Paris, 1916). Published in English under the title *With the Russian Wounded* (London, 1916).

сам не знает, что он делает, приехав в Россию. Может быть, оснует другой орган. Это его слова. В виду такой неопределенности положения – что можем мы сказать теперь, кроме того, что мы поддержим его, по мере наших сил, если ему удастся основать независимый орган?

Согласитесь, что – ничего. Но так как у него самые лучшие намерения, то отворачиваться от него, как это готов сделать Иорданский, было бы и *несправедливо и нецелесообразно в политическом отношении*. Он не будет ни официозом, ни пособником (сознательным) биржевой спекуляции. Это надо помнить и относиться к нему сообразно с этим его активом. Спешу послать письмо, так как мне пора на поезд.

Жму руку
Ваш Г. Плеханов

P.S. Повторяю, надо иметь в виду, что у Амфитеатрова есть, по части издательства, не одна только возможность. Разойдясь с предполагаемой теперь газетой, он имеет возможность основать другую. С этой возможностью основания им независимого органа необходимо считаться.¹⁰⁹

Ваш Г.П.

14. PLEKHANOV TO ALEKSINSKII

San Remo, 27 ноября 1916 г.

Дорогой Григорий Алексеевич,

Простите, что я до сих пор Вам не ответил: я был нездоров, да и теперь еще не совсем оправился. Но думается мне, что теперь уже безусловно необходимо написать Вам в виду некоторых *faits nouveaux*.

В *Giornale d'Italia* на днях появилась корреспонденция из Петрограда, в которой говорится о новом органе, как об органе Протопопова. Проф. Гредескул¹¹⁰ должен был выйти из Ц.К. кадетской партии в виду принадлежности своей к его редакционной коллегии. Иорданский телеграфировал мне о том, что новое издание повторяет приемы Зубатова. Тут, повидимому, недоразумение. О Зубатовских приемах можно говорить, – *если* можно, – разве лишь в применении к „Рабочей

¹⁰⁹ Amfiteatrov changed his mind again, and became an editor of *Russkaia Volia*. When Plekhanov was advised by friends in Russia that the paper was financed by banking interests, he felt compelled to bow out. *Nachalo* (Paris), November 26, 1916; Gor'kii and Korolenko, *Perepiska*, p. 80.

¹¹⁰ N. A. Gredeskul (1864-?), jurist and leader of the Kadet Party. He quit the party in 1916.

Газете”,¹¹¹ проектированной „в сферах” (Вы, наверно, читали о ней в газетах). Но как бы там ни было, дело издания газеты приобретает весьма неприятный привкус. Я думаю, что мы хорошо сделали, воздержавшись от участия в деле, на счет которого сам Амфитеатров стал, как будто, сомневаться перед своим отъездом в Россию. Думается мне, что и Вы поступили бы осторожнее, если бы, пока что, остались в expectative. Теперь еще не поздно, думается мне, отклонять немедленное участие. Боюсь, что Вы пожалеете потом, если поступите иначе. Простите, что даю Вам этот совет, и поверьте, что делаю это единственно из расположения к Вам, как к одному из самых талантливых русских публицистов наших дней.¹¹²

Кстати о публицистике. В последнем номере „Призыва” не было Вашей статьи. Это очень жаль. „Призыв” очень много потеряет, если Вы перестанете писать в нем. Да и не вижу я для этого оснований. Разногласия по вопросу об участии в газете не настолько важно, чтобы стоило расходиться из за него.¹¹³

Если Ваша супруга уже приехала, передайте ей мой привет и скажите, что я с величайшим удовольствием прочел ее очерки, чрезвычайно талантливое и искреннее произведение.

Жму руку
Преданный Вам Г. Плеханов

15. PLEKHANOV TO HIS DAUGHTER EVGENIJA AND HER HUSBAND

San Remo, ce 31 décembre 1916.

Mes chers enfants,

Nous venons de vous envoyer une dépêche; maintenant je veux vous parler moins brièvement.

Ma santé a, tout l’automne, été très mauvaise. C’est ennuyent, mais c’est comme-ça, et il faut prendre les choses comme elles sont. Esperons que, dorénavant, cela ira mieux.

Maman souffre un peu à la suite d’une chute qu’elle a faite, car il règne ici, des six heures du soir une obscurité complète. Il paraît qu’il lui est arrivé

¹¹¹ Rabochaia Gazeta, a daily published in St Petersburg 1906-08, was ostensibly the organ of “The Independent Social Workers’ Party”. In reality, it was run by an agent of S. V. Zubatov (1863-1917), the well-known architect of police socialism.

¹¹² Aleksinskii failed to take Plekhanov’s advice, and this precipitated a crisis in Prizyv. His collaboration in a publication associated with Protopopov was intolerable, as Avksent’ev, one of the most important of the Prizyv editors, had blasted Protopopov in Prizyv, No 53 (October 28, 1916), for his irresponsibility vis-a-vis his party and the Progressive Bloc, and his apparent solidarity with the reactionary cabinet.

¹¹³ Aleksinskii’s last contribution appeared in No 55 (December 2).

la même chose qu'à toi, Génia. Tu ne nous a pas parlé de ton accident. Dis-nous, au moins, comment tu vas à présent.

Pour ce qui est du passé, j'ai, durant toute la guerre, beaucoup admiré l'activité de Georges¹¹⁴ et j'en ai été fier. Par sa propagande il a rendu un véritable service à l'entente. Je voudrais bien qu'il m'écrive de temps en temps pour me dire ce qu'il pense de la situation. Je suppose qu'il est du même avis que moi quant aux propositions allemandes, comme à celles de Wilson et du conseil fédéral suisse. Nous ne pouvons point entrer en pourparlers avec un ennemi qui foule notre sol.¹¹⁵ Georges n'est pas un jacobin, mais il approuvera cette forte parole de la Convention.

Je pense venir à Paris pour la conférence des socialistes des pays alliés.¹¹⁶ Comme elle aura lieu au mois de mars, je vous reverrai dans deux mois. Je vous dis en vérité que j'en serai très heureux.

Genia, vois-tu mes amis russes? As-tu rencontré Alexinsky? Que dit-il de la «Rousskaïa Vola»? Vous savez, peut-être, qu'on m'a passablement embêté avec ce journal. Amphithéatroff m'a télégraphié que Pourichkévitch en attaquant son journal dans un discours à la Douma, a abusé de mon nom. Je ne sais pas jusqu'à présent en quoi consistait cet abus.¹¹⁷ Le reproche qu'on fait à la Rousskaïa Vola se réduit à ceci: on prétend que ce sera le journal officieux du ministère de l'Intérieur (Protopopoff). Naturellement, je ne puis pas être un publiciste officieux, mais il me semble que la Rousskaïa Vola ait été calomnié. Qui vivra, verra.

Et voici un fait assez piquant pour terminer. Les prisonniers russes évadés d'Allemagne racontent que, dans les camps de concentration, on distribue une brochure russe dirigée contre moi. Quand j'ai appris cela, j'ai

¹¹⁴ Georges Batault, see note 49.

¹¹⁵ The German government on December 12 had asked the United States to inform the Entente governments that the Central Powers were prepared to negotiate peace, though no terms were stated. On December 18, President Wilson suggested that the belligerents state their terms, and offered to assist in the inauguration of negotiations. The Swiss Federal Council on December 23 sent all the belligerents a note enthusiastically supporting Wilson's initiative. All three documents are printed in *Papers Relating to the Foreign Affairs of the United States, 1916, Supplement* (Washington, 1929), pp. 94, 97-99, 117.

¹¹⁶ The conference treated at some length in No 11. Originally scheduled for January, it was put off to March, 1917.

¹¹⁷ V. M. Purishkevich (1870-1920), a founder of the reactionary Union of the Russian People, was a member of the Second, Third and Fourth Dumas, and a participant in the assassination of Rasputin in December 1916. In the course of a long rambling speech in the Duma on November 19, he charged that Protopopov's projected paper was financed by German funds. He declared that efforts had been made to secure the collaboration of Leonid Andreev, Gor'kii and Korolenko, but did not mention Plekhanov, abusively or otherwise. *Gosudarstvennaia Duma, Stenograficheskie otchet, Chetvertyi sozyv, Sessia V. Zasedanie 6, November 19, 1916*, pp. 281ff.

été très touché par cette attention du gouvernement allemand. La brochure, qui est entre les mains d'un de mes amis, est écrite par un certain Parvus.¹¹⁸

Je vous embrasse bien et vous prie de transmettre mes meilleurs souhaits à la famille de Georges.

Bien à vous
G. Plekhanoff

Bon souhaits et tous mes amitiés & à bientôt.

Lydie

Cher Georges, en m'associant à toutes les bonnes choses que Vous a dit mon mari, je Vous remercie infiniment pour Votre charmante lettre. Nous sommes heureux de Vous savoir si unis et si heureux avec Genia que nous aimons plus que notre vie. Santé, courage et bonheur!

Votre mère affectionnée
Rosalie Plékhanoff

16. PLEKHANOV TO THE EDITORS OF PRIZYV

Сан Ремо, 4-го января 1917 г.

Дорогие товарищи,

Я нездоров и потому попросил мою жену написать Вам это письмо под мою диктовку.

Я не совсем понял смысл писем т.т. Лебедева и Любимова. Первый из них пишет, что теперь существование „Призыва” зависит от меня. В каком смысле? Если Вы думаете, что я выйду из редакции, раз она не согласится с моим мнением о деле т. Алексинского, то Вы ошибаетесь. Я во всяком случае подчинюсь дисциплине нашего редакционного кружка. Значит, остается голосовать вопрос об ультиматуме т. Алексинского и поступить сообразно мнению большинства.¹¹⁹ Но

¹¹⁸ From the beginning of the war, the Germans had permitted the internationalist Golos and its SR counterpart Mysl', as well as Bolshevik literature, to reach Russian prisoners of war. Parvus had assailed Plekhanov for his "nationalist-chauvinist" position within months of the war's outbreak. See Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, pp. 135, 138; Aleksinskii, "O provokatsii", in: *Sovremennyi Mir*, 1915, No 3, pp. 60-61. It is thus entirely credible that the Germans would have distributed a Parvus brochure against Plekhanov and defensism, but I have not located it.

¹¹⁹ The editors of Prizyv demanded that Aleksinskii withdraw from participation in Russkaia Volia or be dropped from the board of Prizyv. They were no doubt strengthened in their resolve by the insistence of a group of Zurich supporters of Prizyv

прежде чем Вы будете голосовать, позвольте мне высказать свои соображения против ультиматума.

Когда мы преследуем какуюнибудь цель, мы должны принести ей в жертву второстепенные и третьестепенные частности. В данном случае наша цель есть пропаганда известного взгляда на положение, созданное войной. В сравнение с этой целью участие т. Алексинского в „Русской Воле” есть именно второстепенная частности. Я согласен, что эта частности приносит нам некоторые неудобства. Но несравненно больше неудобств принесет нам разрыв с т. Алексинским. Я без ужаса и подумать не могу о том, как неприятно изумит он сочувствующие нам круги международной социал-демократии. Епсоте une scission!

Благодаря этому изумлению значительно уменьшится наш удельный вес на предстоящей Конференции социалистов союзных стран. Но как бы там ни было, раз вы решили предъявить свой ультиматум Алексинскому – предъявляйте: я из за этого не уйду.

Прибавлю только, что мне известно все то, что говорилось в печати о „Русской Воле”, и я до сих пор не убежден, что на нее не клеветают. Вас смущает письмо Иорданского. Но Иорданский со страхом и сожалением говорил мне о том, что мы в нашем манифесте высказались против вспышек. *Он тоже боялся суда общественного мнения по этому поводу.*^a в таких случаях. Боязнь общественного мнения вынудила его напечатать против нас статью Рожкова. Правда, Иорданский напечатал свою антикритику. Однако, вспомните, что она была озаглавлена о наказании *каторгой* преступника, которого следует только *сослать на поселение*: „слишком строгий приговор”. Боязнь общественного мнения помешала Иорданскому заявить о полной своей солидарности с нами.¹²⁰

Что же касается участия банков, в тех промышленных предприятиях, которые поддерживают „Русскую Волю”, то я не понимаю, отчего „Экономист” Русских Ведомостей изображает его, как нечто почти преступное.¹²¹ Такое участие есть отличительная черта почти всех

^a *words missing*

that Aleksinskii be expelled from the editorial board. Senn, *The Russian Revolution in Switzerland*, p. 220.

¹²⁰ In his article “Politicheskie zametki”, in: *Sovremennyi Mir*, 1915, No 10, pp. 196-200, Iordanskii reproduced the public letter mentioned above, p. 327. No 12 (pp. 159-61) carried a critique of the letter, “Vozzvanie oborontsev”, by the historian and Social Democrat N. I. Rozhkov (1868-1927). Immediately following Rozhkov’s piece, Iordanskii set down a cogent critique of Rozhkov under the title “Slisikom strogaia kritika”, but it evidently did not go as far as Plekhanov wished.

¹²¹ An article in *Russkie Vedomosti*, November 29, 1916, by A. Maksimov (not *Ekonomist*) entitled “Ch’ia gazeta”, reports a denial by Protopopov that the projected

более новых отраслей промышленности почти во всех более молодых капиталистических странах. (Германская промышленность в отличие от французской очень многим обязана такому участию). Против „Русской Воли” говорит пока только *возможность* того, что она *негласно* является органом Протопопова. Запах официозов для нас невыносим. Но *подозрение* еще не есть *уверенность*. А что если подозрение окажется неосновательным? Вопрос этот решится очень скоро – содержанием статей, печатаемых в „Р.В.” и, так как он решится очень скоро, нет надобности спешить с нашими решениями относительно товарищей, участвующих в названной газете: может быть, они сами уйдут из нее, ознакомившись с первым же десятком ее номеров.

Я советовал бы напечатать, что редакция „Призыва” постановила большинством стольких то голосов против одного, что ее членам следует воздержаться от участия в „Русской Воле” до окончательного выяснения характера этого издания. Когда это будет напечатано, то всякому станет ясно, что Алексинский и был тем членом редакции, который голосовал против ее постановления и не нашел нужным ему подчиниться.¹²² Всякий оценит это, согласно своим собственным понятием о дисциплине. Это достаточно. Но еще раз – я подчиняюсь вашему решению, прося об одном: издавайте „Призыв”, если есть на это материальная возможность. Я прочел статью т. Авксентьева и, хотя смотрю на вопрос о мирных предложениях Германии совсем иначе, однако голосую за ее помещение.¹²³ Нужно только оговорить, что некоторые другие члены редакции думают иначе и что они тоже выскажут свое мнение. Мне хотелось бы знать, получили ли мои письма (т.т. Лебедев и Любимов) и мою статью о разногласиях между итальянскими социалистами.¹²⁴ Известите меня об этом.

Жму Вам руки
Ваш Г. Плеханов

newspaper is supported by banks, together with his admission that it has the support of a number of large industrial enterprises, whose names he listed. To Maksimov, it made little difference whether banks or industrial enterprises were the backers, and he doubted that this would be a democratic organ despite the participation of Amfiteatrov.

¹²² A note on the last page of Prizyv, No 58 (January 25, 1917), announced: “Beginning with this number, G. A. Aleksinskii no longer participates in Prizyv’s editorial board.”

¹²³ Avksent’ev’s article “O mire”, in: Prizyv, No 57 (December 30, 1916), reported on the recent rash of peace initiatives. Though he had reservations about the sincerity of the German proposal, he urged that both sides be pressed to disclose their war aims, in accord with Wilson’s suggestion. In “Nakanune”, in: Prizyv, No 60 (March 31, 1917), Plekhanov elaborated his objections to those whom he thought too trusting of the Germans.

¹²⁴ Plekhanov’s “Raznoglasie v ital’ianskom lager Tsimmerval’d-Kintal’tsev” appeared in Prizyv, No 58.

P.S. Письмо мое это было продиктовано мною вчера вечером. Сегодня перед отправкою на почту, я хочу прибавить еще несколько слов.

1. Лично я, вероятно, не стал бы писать в „Русской Воле“, даже в том случае, если бы она оказалась вполне независимой и очень прогрессивным органом. Меня отталкивает Амфитеатровская манера вербовать сотрудников, – а главное, – неправильное изображение процесса такой вербовки: в Париже Амфитеатров наговорил много такого, чего никогда не бывало. Но все-таки я считаю нужным подождать событий и не составлять себе *теперь* же, окончательное мнение о „Русской Воле“.

2. „Призыв“ не сделал еще и половины того, что может сделать. Ему предстоит играть немаловажную роль *при* заключении мира и *после* заключения мира он пригодится, как *орган прокладывающий путь для объединения всех сил русского социализма*. Ведь это задача огромной исторической важности. Итак, продолжайте издавать „Призыв“, не смотря на расхождения с тов. Алексинским. Я буду работать для него усерднее, чем прежде.

Г.П.

Еще одно. Тов. Авксентьев говорил о занятии немцами местностей бельгийских, французских, польских, литовских и др. Но он забывает о местностях *Западной Руси*.¹²⁵ Между тем „Русский Призыв“ не должен забывать о них.

Прошу т. Лебедева передать т. Любимову мою просьбу сделать для меня в словаре Брокгауза и Эфрона справку об этнографическом составе населения в губерниях Виленской, Гроденской и Ковенской.

Мне нужны точные цифры.

Г.П.

Сейчас получил письмо тов. Авксентьева. Я голосую против всех тех пунктов, которые Вы решили прибавить к Вашей резолюции. Письмо Иорданского, полученное т. Авксентьевым, не смутит меня никакими характеристиками в виду той характеристики т. Иорданского, которую я дал выше. Но с этим делом надо так или иначе покончить: *оно мешает работать*. Голосую против добавлений и прошу прибавить, что при голосовании против них *был подан один голос*. Но, повторяю, в третий раз: резолюция даже в новом виде (*с указанием того, что в редакции были люди ее отвергавшие*) не должна мешать продолжению „Призыва“.

¹²⁵ In the article “O mire”.

17. PLEKHANOV TO JULES GUESDE

San Remo, le 16 février 1917

Mon cher Guesde,

Vous avez sans doute appris par les journaux l'arrestation à Petrograde de onze ouvriers, membres des comités industriels de guerre.¹²⁶

C'est là une nouvelle fort peu réjouissante pour nous, encore que de semblables coups soient malheureusement toujours à attendre de notre gouvernement.

En effet, s'il arrête de temps à autre quelques «défaitistes», il ne manque jamais d'arrêter et en grand nombre ceux qui travaillent sincèrement à la défense nationale. C'est ainsi qu'il comprend l'Union Sacrée.

Il est probable que les personnes arrêtées sont Gvosdeff^a ¹²⁷ et ses camarades. Or Gvosdeff^a est le véritable chef du prolétariat russe travaillant à la défense nationale. Son influence sur les ouvriers est immense et il a su toujours avec le plus grand succès, tenir tête aux zimmerwaldiens. L'impression que peut causer son arrestation parmi les ouvriers, vous l'imaginez sans peine.¹²⁸ Vous pensez bien que la propagande zimmerwaldienne n'y perdra rien.

Il me semble, que les gouvernements alliés devraient déconseiller au gouvernement russe de continuer cette politique qui nous mènera à une catastrophe. Si vous voyez le Président de la République, parlez lui de tout cela. Il trouvera, peut-être, un moyen d'agir immédiatement sur le Czar, qui probablement ne sait même pas les persécutions dont nos ouvriers sont l'objet de la part de nos réacs.¹²⁹

Bien à Vs G.P.

^a *copy* Grosdeff

¹²⁶ The members of the worker group of the Central War Industries Committee were arrested January 29, 1917 (OS). It had been seated a little over a year earlier, on December 3, 1915.

¹²⁷ K. A. Gvozdev, a railroad worker and Menshevik, headed the workers group of the War Industries Committee. He was one of those arrested in January 1917. After the overthrow of the Tsar, he became a member of the Executive Committee of the Petrograd Soviet, and he was Minister of Labor in the last Provisional Government coalition.

¹²⁸ The arrest of the worker group touched off massive strikes, which may be thought of as the prelude to the February upheaval.

¹²⁹ In his diary the French ambassador in Petrograd mentions the arrest of the worker group, but says nothing during the following weeks of instructions from his government to take the matter up with the Tsar. See Paléologue, *An Ambassador's Memoirs*, op. cit., III, pp. 191f.

PS. Je peux venir prochainement à Paris pour la conférence.¹³⁰ Soyez assez bon pour faire en sorte qu'on donne des ordres au consulat français de Vintimille afin qu'on nous laisse passer ma femme et moi sans encombre.

18. R. M. PLEKHANOVA AND G. V. PLEKHANOV TO THEIR DAUGHTERS

[Tsarksoe Selo] le 29 Mai 1917 [OS]

^a Mes chères et adorées enfants

Voilà deux mois et demi que nous avons quitté San-Remo et Paris et il nous semble qu'il s'est écoulé un siècle. Nous étions très occupés, très tirillés, nous avons beaucoup vécu, nous avons éprouvés toutes sortes d'impressions bonnes et mauvaises et malgré cette vie intense, nous ne pouvons pas nous consoler de votre absence, de notre séparation et ne rêvons qu'une chose: c'est de vous revoir, vous serrer contre notre poitrine. Nous espérons, Lydie, que tu arrivera avec M^m Lounkevitch et les Krapotkine. C'est dommage que tu ne sois pas saisie cette occasion.¹³¹ Mais tu auras encore des camarades de voyage. Pars seulement dans des bonnes conditions. Adresses toi à Mr Thomas. Il arrangera ton départ avec une mission française ou autre. Ne t'hasarde pas sur un bateau de commerce ou simple bateau des passagers. Je t'ai déjà écrit dans la lettre envoyée par Mme Lafon, qu'il faut apporter des habits d'hiver et d'été des bas de coton et de laine en abondance, car ici tout est hors de prix; je voudrais que tu apporte 2 camusoles Jägger ou imitations pour papa. La taille de Georges Batault irait bien p. papa; aussi de l'étoffe pour 3-4 blouses ou des blouses faites par les couturiers de Genia. Vous savez à peu près ma mesure. Il faut apporter tous les instruments de médecine et chirurgie (stétoscopes, appareils p. l'ex. de la pression sanguine et autres). Ici c'est inabordable; aussi du linge: 24 draps; 36 serviette de toilette; 24 à 36 serviettes de table; tabliers de bonnes (choisir les meilleurs). Pour nous installer pour l'hiver il faut du linge *et le linge est de prix*. C'est plus avantageux de payer à Mlle Guédin l'aller et retour à Paris de San-Remo pour qu'elle apporte tous ça que d'acheter *ici*. Pour finir de parler des affaires je vous rappelle qu'il faut payer les assurances de Londres et l'Urbaine. Mieux payer une année entière à chaque assurance et nous débarrassés. J'ai laissé à Genia 900 Lires;

^a in *Plekhanova's hand*

¹³⁰ He did not, for after having been put off from January to March 1917, the projected conference of socialists of the allied nations was then postponed indefinitely.

¹³¹ Lydie was to have accompanied her parents to Russia in early April, but because of her health it was decided that she should remain in San Remo, and come later in the spring. R. M. Plekhanova to Lydie, London, April 2, 1917, Plekhanov Archive, Box 10.

ajoutez ce qu'il faut et payez avant ton départ.

A présent sur notre sante et nos affaires: La sante de papa n'est pas du tout bien: il a de la peine à se débarrasser de la grippe attrapée à Londres. Il y a dans sa sante de haut et des bas, mais le mal, hélas! predomine. Et pourtant la besogne presse. Quoiqu'il a refusé le poste de ministre, comme je vous ai écrit dans ma dernière lettre; mais redacteur du «ЕДИНСТВО» et comme directeur spirituel d'une grande partie de notre peuple et notre opinion publique, il est terriblement occupé et ça fait pitié de le voir pendant la fièvre ou à la table à écrire ou à recevoir le mond nombreux et varie qui vient lui parler, le consulter etc. De temps en temps il parle devant des grandes assemblées, mais sa santé ne lui permet pas de faire ça régulièrement. Il y a 10 jours il a parlé devant un auditoire de 10,000 personnes. . .¹³² Il a parlé durant 2 heures et très bien, mais il a pris froid à son retour et a eu de la fièvre pendant plusieurs jours et même à present^a il fait de 37,6-7 chaque soir. C'est bien triste. . . C'est une veritable tragedie cette force physique limitée, alors que les regards de toute la Russie sont tournes vers lui. «Единство» notre journal a un grand succès. Papa reçoit des adherents et compliments de tous les cotés. En général, hélas! le temps est encore très inquietant, très trouble, l'armée encore bien desorganisée, mais nous esperons que ça s'arrangera. Il y a déjà des signes d'amélioration; par exemple, la farine arrive ces derniers jours en abondance à Petrograd. . . l'armée ne manque de rien. Le moral dans plusieurs sections du front est excellent. . . Enfin l'horizon qui etait très sombre s'eclaircit et nous commençons à espérer que notre liberté sortira victorieuse de toutes les epreuves. Les «leninzi» perdent du terrain et de la popularité.

Mes chers enfants, écrivez nous des lettres; elles arriveront tard mais arriveront quand même. J'ai reçu une charmante lettre de Mlle Oulman et une aussi charmante de Mme Pallandier.

Si vous saviez, comme nous nous ennyons sans vous. Nous nous consolons à l'idée que bientôt Genia pourra venir nous voir avec Georges.

Nous sommes installés à Zarskoë Selo tres bien. J'ai loué pour 4 mois un joli appartement meublé. Notre adresse est:

Nizky Boulvar

Низкий бульварь д. 8 кв. 4

^a *uncertain reading*

¹³² The only speech Plekhanov made in the month of May that is printed in *God na rodine* (I, pp. 89-93) was to a Congress of Delegates from the Front, an assemblage not likely to have numbered 10,000. A speech he gave June 19 on the Kazan Square, to mark the launching of a Russian offensive, was heard by a very large crowd. *Ibid.*, pp. 219-20.

C'est un app. au dessus de l'appart. des Belinky qui sont très gentils avec nous. Il faut apporter à M^m Bel. la liste d'affaires que j'ai envoyé avec M^m Lafon.

Le porter de cette lettre est un ami à nous, Mr Svatikoff,¹³³ un considerable personnage dans le gouvernement revolutionnaire. Recevez le bien. Il est très gentil et nous rend des grands services.

Je vous embrasse tous les trois tendrement.

^a Mes chères enfants, il y a longtemps que nous n'avons point de vos nouvelles. Ecrivez maintenant. Nous pensons toujours à vous et nous vous aimons plus que jamais. Quand est-ce que nous vous reverrons? Vous nous manquez beaucoup. Ecrivez le plus vite possible. Salut à Georges.

Bien à vous.

G.P.

19. R. M. PLEKHANOVA TO HER DAUGHTERS

le 28 Novembr [1917 (OS)] Petrograd

Mes chers enfants,

je Vous ai écrit plusieurs fois depuis le mois de Juillet: avec Tarle;¹³⁴ avec un camarade-aviateur qui se rendait avec la mission russe en France; par l'intermediaire de Lihoff avec Diamandi etc. . . nous attendions Lydie avec impatience. Notre chagrin de ne pas la voir venir avec la famille Destrée était immense . . . mais c'était notre faute à nous: nous avons voulu éviter à Lydie les émotions de la guerre civile. Mais nous avons emis une chose: c'est que la guerre civile sera permanente durant un temps plus ou moins longue jusque nous aurons un gouvernement stable et être separé durant tous ce temps de Vous, nos enfants chers, ça serait penible pour nous et Vous. D'un autre côté la vie, quoique tres émouvante et emotionnante est en même temps très interessante. Etre témoin de cette époque

^a in *Plekhanov's hand*

¹³³ P. S. Svatikov, deputy chief of the Provisional Administration for Police Affairs and Security of Person and Property, was ordered abroad on business by the Provisional Government in early June. *Vestnik Vremennogo Pravitel'sta*, June 2, 1917.

¹³⁴ E. V. Tarle (1875-1955), Russian historian of France, did not initially support the Bolshevik Revolution. Indicative of his earlier relations with Plekhanov is his letter of 1913 printed in *Filosofsko-literaturnoe nasledie G. V. Plekhanova*, II, p. 286. Plekhanov wrote appreciatively of Tarle's work in his *History of Russian Social Thought*, *Sochineniia*, XX, p. 111, note. G. Diamandy, a Rumanian by origin, studied in France, became a radical student leader, a fervent supporter of Guesde, and an acquaintance of Plekhanov.

presente un haut intérêt et prendre part dans la guérison morale et intellectuel de notre pauvre peuple — est une tâche noble et grande. En me guidant de ces considérations j'ai télégraphié à Lydie qu'elle vienne avec la première bonne occasion. Elle n'est pas venue; ça veut dire qu'elle n'a pas trouvé d'occasion assez bonne. A présent les temps sont encore plus troubles, l'orage et la tempête grondent, nous vivons comme sur un volcan, mais on vit, on s'habitue à tout et nous ne disons pas à chère Lydie de ne pas venir. Qu'elle fasse comme elle veut. Qu'elle pèse tout et qu'elle décide elle-même. Quand à nous nous serons très heureux de l'avoir ici près de nous.

En tous cas si Lydie se décide de venir il faudra qu'elle s'embarque avec des gens sûrs.

Ces lignes ont déjà été écrites, quand une belle vision en forme d'officier français a fait rupture dans notre chambre d'hôpital et nous a vite remis une lettre et disparu. Cette lettre est de Georges, qui recommande à papa le cam. P. et nous écrit quelques mots sur votre santé et la décision de Lydie de remettre son départ à un temps ultérieur, quand les conditions seront meilleures. Vous avez raison, mes enfants. Chère Lydie ne te désolent pas, trouve en attendant une occupation et remets ton voyage qui, entrepris à présent, peut être très accidenté. Attendons un temps meilleur, il ne va pas tarder, nous croyons. Travaille et sois courageuse, ma Lydie adorée. Nous parlons avec papa très souvent de vous et rêvons de nous trouver tous ensemble.

A présent quelques mots de notre vie. Vous savez que nous habitons durant plusieurs mois Zarskoë. Nous étions bien là-bas. Le climat et l'air sont meilleurs qu'à Petrograd. Papa se sentait relativement bien, quoique, il avait souvent de la fièvre et les dernières trois semaines il gardait de lit (presque) ^a de Sirotinine¹³⁵ et Lihoff qui venaient le voir de temps en temps. Mais il travaillait toujours. Grâce au repos au lit, la fièvre commençait à céder, son état commençait à s'améliorer; il se sentait plus fort, l'appétit renaissait, les nuits étaient meilleures et j'espérais que son état nous permettrait bientôt de partir au sud: en Caucase, ou nous conseillait de nous rendre Sirotinine. Mais, hélas! Tout s'est gâté, grâce aux événements du 25 Octobre. La terreur a commencé à sevir, le voyage en chemin de fer avec un malade est devenu impossible quoique toute protection nous a été promise. Arrivent les tragiques journées 30-31 Oct.; bataille à la porte de Zarskoë, entre les cosaques d'un côté et le prolétariat pétersbourgeois et les

^a *two illegible words*

¹³⁵ Academician V. N. Sirotinin, the senior physician at the French hospital in Petrograd, which Plekhanov entered in November 1917. R. M. Plekhanova, *God na rodine*, p. 4.

matelos baltiques de l'autre cote – victoire des derniers et Zarskoë a été inondé du peuple vainqueur sur leurs frères cosaques. Fatigués et farouches, ils ont perquisitionnés dans plusieurs maisons de Zarskoë, en cherchant d'ennemis cachés, des armes. . . On a perquisitionné partout: chez Belinqui, chez la propriétaire de la villa habitée par nous. On est venu chez nous aussi, hélas! Malgré les assurances de nos camarades et amis, que jamais on osera venir chez^a papa – votre papa, n'étant pas optimiste, était sûr que si on vient, on ne fera pas de distinction – car ce n'était pas avec des gens conscients, qu'on avait affaire, mais avec un peuple inconscient pour lequel le nom de Plékhanoff ne dit pas grande grande chose. . . Il n'ont jamais rien lu sauf la mauvaise littérature des bolchevikis et ne sont imbus que de leurs devises simplistes. Ils voient des contre-revolutionnaires partout même chez leur meilleurs amis. Ce sont de jeunes gens dans la plupart sincères, ayant le feu sacré et il faut les pardonner, car ils ne savent pas ce qu'ils font. Ainsi quand j'ai dit «Пришли», papa a compris.

Papa était étendu au lit. C'était dans l'après midi, vers les 3 h. En premier, sont venus un soldat, un matelot, – jeune, bien fait, avec belle figure, mais celle ci, hélas! ne promettait rien de bon, – et un jeune adolescent de 16-17 ans de la garde-rouge. Où est le patron? – Il est malade, au lit. – Que voulez vous? – Il nous faut le patron. – Nous sommes venus chercher des armes. – Mais nous n'avons pas des armes et le patron est malade. Attendez ici, je vais le prévenir. – Non, nous devons le voir et m'écartant de la main ces visiteurs se dirigent vers la porte de la chambre à coucher. Je prends l'avance et je prévient papa de l'arrivée. Je puis seulement dire: «Пришли». Papa a compris de qui il s'agit, car on s'attendait à Zarskoë Sielo à ces visites. – Ils sont entrés dans la chambre à coucher. Nous sommes venus chercher des armes! – Nous n'en n'avons pas. – Ils repondent: nous savons, que Vous avez. – Alors, cherchez. J'ouvre l'armoire, ton panier, Lydie, encore plein avec les affaires envoyées de Paris. . . Ils ne cherchent rien, regardent autour et n'osent pas toucher. . . Un coup à la porte. Je sors. Encore un matelot, plus agé celui ci, farouche, revolver à la main! De nouveau: où est le patron – il me le faut! – Il est malade! Nous sommes aussi malades! Donnez les armes. Nous avons déjà dit, que nous n'avons pas d'armes. – Vous en avez et si vous ne les rendez pas je vous tue sur place. Moi je commence à m'emporter, mais papa avec sa methode socratique: – Tuer un homme par le temps qui court – c'est une chose facile mais des armes vous ne trouverez pas, car je n'en ai pas. Le matelot farouche se calme. Le petit de la garde-rouge a l'air penaud. Il demande avec un sourire aimable. – Vous êtes un ministre?

^a *uncertain reading*

Papa répond: non, je ne suis pas un ministre. — Alors, vous êtes un membre de la Douma? Papa: non, je ne suis pas un membre de la Douma. Alors le matelot farouche demande le petit: ce n'est lui? Le petit de la garde-rouge hesite . . . et papa est sauvé. Encore une question: a quel état appartenez vous? (noblesse, bourgeois ou paysan). Heureusement, papa a répondu: «*нигде. ъскозо*». . . . Le matelot reste deconcerté . . . Papa ajouta: durant quarant ans je luttais pour le peuple et la revolution. Cette fois le farouche matelot s'est repris. — A bah! Keresky etait aussi revolutionnaire! . . . Après quelques minutes d'hesitation et de conversation entre eux ils sont partis. . . Le lendemain encore une visite par des matelots, mais cette fois je ne les ai pas laissé entrer et ils sont partis sans protester. . .¹³⁶ Après ça, vu la santé de papa, j'ai trouvé mieux de nous soustraire a ces visites désagréables et j'ai fait des demarches pour entrer pour quelques jours dans un hôpital de Zarskoë. Une nuit nous avons passé à l'hôpital de la ville de Zarsk. et le lendemain un medecin-ami est venu chercher papa avec un automobile sanitaire pour l'installer à Pétrograd où il serait mieux à l'abri de visites. Le même jour je l'ai rejoint. Le court voyage a fait plutôt du mal à papa, car voilà un mois que nous sommes à l'hôpital français et la fièvre, qui est devenue plus forte le lendemain de son arrivée, ne se calme pas jusqu'à présent. Il fait toujours à râres jours exceptés, la fe de 37-37,2 le matin et 38° le soir. La dernière semaine, il est mieux au point de vue général. Il mange mieux, il est plus gai, le subjectif est meilleur et le poids a augmenté. Nous avons choisi l'hôpital français pour être plus tranquils, et parce qu'Aitoff,¹³⁷ charmant homme le dirige. Mais les conditions hygieniques ne vont pas pour des malades souffrants des poumons. J'ai cru que nous y ferons un court séjour: une semaine ou deux tout au plus. Notre séjour s'est prolongé ici, car l'état de papa ne permet pas de longue voyage. En outre, entreprendre un voyage par ce temps trouble est plutôt dangereux. Ainsi nous avons decidés de choisir quelque chose dans les environs de Petrograd. Il y a des excellents sanatorium en Finlande. Mais papa est fâché contre les finlandais pour leur agissements plus qu'indignes par rapport à la Russie revolutionnaire,¹³⁸ et c'est impossible de le convaincre de

¹³⁶ A laundered version of these events is given in Iovchuk and Kurbatova, Plekhanov, op. cit., pp. 327-28. The day after the affair at Tsarskoe Selo, an order was issued that Plekhanov be protected against a recurrence. See Petrogradskii Voenno-Revoliutsionnyi komitet, Dokumenty i materialy (3 vols; Moscow, 1966-67), I, pp. 539 and 548.

¹³⁷ V. D. Aitoff was the junior physician at the French hospital who looked after Plekhanov.

¹³⁸ The Finns had subscribed Tsarist loans, Plekhanov noted with indignation, but had done little for the "Liberty Loan" floated by the Provisional Government in March 1917. Plekhanova, *God na rodine*, p. 3; Robert Browder and Alexander Kerensky, *The Russian Provisional Government 1917* (3 vols; Stanford, 1961), II, pp. 485-92.

prendre en considération seulement sa santé. En tous cas ici, à l'hôpital français nous ne resterons pas longtemps. Nous irons ou hors de ville dans un petit sanatorium-pension à 1 h. de distance; ou nous nous placerons dans un hôpital privé très confortable et dans un bon quartier de Petrograd. La tante Annette y est à présent. On y est très bien. C'est en attendant. Aussitôt que ça pourra se faire, nous irons en Crimée Jalta où se trouve Varvara Nicolaevna Gontcharova qui nous appelle là bas.

Quant à ma santé, elle est très bonne. Je supporte très bien le climat de Petrograd. Je trouve Petrograd sous la neige très beau. Je me sens un peu fatiguée ces derniers jours à cause du déménagement, mais c'est passager. Jusqu'à présent je ne me suis pas remise à la médecine. Je suis entièrement à papa et je crois commencer à pratiquer, quand il sera remis. Pour le moment je ne vois qu'une chose c'est sa santé.

Je ne comprends pas pourquoi Vous ne recevez pas l'Edinstvo, que je Vous ai envoyé en 3 reprises: avec Dumas, avec Diamandi le frère de l'ambassadeur de Roumanie, un vieil ami de papa et avec un camarade-sous-lieutenant aviateur qui se rendait en Russie avec une mission russe.¹³⁹ Est-ce possible que personne de ces messieurs ne vous a fait parvenir les paquets et lettres. C'est déconcertant. Ils m'ont tellement promis de faire mes commissions.

En tous cas je vous enverrai ces jours les articles de papa, parus dans l'Edinstvo. Ça serait bon de les traduire en français. Le public français pourra se convaincre, comme papa a prévu les jours fatals, que nous traversons à présent, comme il les a prédits encore au début de notre révolution. Comme il luttait contre cette affreuse maladie de leninisme, dont est atteint notre bon, mais encore peu conscient peuple russe.¹⁴⁰

Dites à Georges et sachez vous mêmes que nous ne souffrons pas de la terreur des montagnards; non! c'est sont ceux contre lesquels Robespierre se vengeait, qui se sont emparés du pouvoir. Ce sont des hebertistes, des bakouniens, des anarchistes. La Convention voulait une France forte, une et indivisible; tandis que notre pouvoir laisse déchirer la grande Russie en loques. La Convention ne traitait pas avec l'ennemi qui foulait le sol français. Notre pouvoir laisse mettre par l'Allemagne le carcan sur le cou du peuple russe et est prêt à leur donner tout ce qu'elle voudra, en assurant le pauvre peuple que c'est de l'internationalisme. . .

¹³⁹ Dumas made two visits to Russia in 1917. While there, he wrote several articles for Plekhanov's *Edinstvo*. In 1919 he published *La vérité sur les Bolcheviks* (Paris). C. J. Diamandy was the Rumanian ambassador to St Petersburg, 1913-17.

¹⁴⁰ Plekhanov's articles from *Edinstvo* were later published, untranslated, in *God na rodine*. A sketch of Plekhanov's life by Iu. Arzaev, which serves as an introduction to the collection, adds some details to the account of the break-in at Tsarskoe Selo. See I, pp. xlii-xlv.

Mais nous espérons que ce mauvais cauchemar passera et que de tous nos malheurs nous sortirons sans amoindrissements et même grandis, car nous avons bien souffert.

Nous voyons souvent Deutch, Sassoulitch, Liubov Issakovna et Ida Issakovna,¹⁴¹ qui est aussi à l'hôpital français pour quelques jours. Elle souffre d'un commencement d'anévrisme d'aorte. Son état n'est pas grave, mais inquietant. Elle est très gentille. Quant à L. Issak., elle a un grand succès, comme un des meilleurs orateur-femme. . . Elle est vraiment très doué et travaille beaucoup. . .

Notre «Edinstvo» est supprimé par la Censure qui sevit plus que jamais. Mais ces jours apparaîtra notre journal sous un autre nom.¹⁴²

Je voudrais t'envoyer, chère Lydie, de l'argent, mais comment faire, quand notre cours est tellement bas. Je dois perdre immensément sur le change. Si tu avais pu faire un emprunt de 2-3 mille francs pour avoir de l'argent afin de payer nos assurances, envoyer un millier de lires à Schreiber et avoir pour tes dépenses. Si tu ne peux pas trouver à faire une emprunte (chez Mr Hecht, Mlle Oulman et Mr Batault) telegraphie moi et je t'enverrai de l'argent.

Ecrivez nous nos chères, adorées enfants par toutes les occasions possibles.

Mille bonnes choses de notre part à M^r et Mme Batault père et Mlle. Quant à Georges je l'embrasse tendrement. Ma lettre est pour vous trois. Votre mère qui ne veut qu'une chose c'est de vous revoir.

R.

P.S. Dans les journaux on a publié que papa a été très impressionné par la visite de matelots que son état est devenu grave à la suite qu'une hémoptysie grave s'est déclarée etc. etc. Tout ça c'est du *roman*. Papa a été très calme durant la visite, son état n'a pas empiré à cause de ça. Il n'a pas eu d'hémoptysie. C'est seulement le voyage qui lui a fait quelque mal. Je repete: il est mieux à présent.

¹⁴¹ L. I. Aksel'rod and her sister Ida were devoted followers of Plekhanov for several decades.

¹⁴² The Bolsheviks suppressed Edinstvo three and one half weeks after they seized power. The paper re-appeared as Nashe Edinstvo on December 17 (30), but discontinued in a little over a month.